

С. ДИМАНШТЕЙН

БОРЬБА ЛЕНИНИЗМА

С ЛЮКСЕМБУРГИЗМОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК
МОСКВА 1933

Ответственный ред. М. П. Голубева. Тек-
редактор А. В. Кудряшов. Сдано в про-
изводство 20/XII — 32 г. Подписано
в печать 5/IV — 36 г. Печатный ли-
стов 5 1/2. Заказ в печатном ли-
сте 46.900. Формат бумаги 62x84
1/8 кода. Тир. 10.000. Заказ пзд.
№ 39. Уполномоч. Главлита
В-42878. Изд. типографии
издательства ЦК ВКП(б)
„Правда“. Москва, Су-
ховский вал, д. № 49.
Заказ тип. № 2832.

С. ДИМАНШТЕЙН

БОРЬБА ЛЕНИНИЗМА С ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВОМ

НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНЫЙ
ВОПРОС

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК
МОСКВА 1933

ПРЕДИСЛОВИЕ

По предложению президиума всесоюзного Общества старых большевиков я согласился на издание отдельной брошюрой моего доклада, прочитанного мною во всесоюзном Обществе старых большевиков. В настоящее время имеется потребность ближе познакомиться с борьбой ленинизма с люксембургизмом в национальном вопросе. Между тем до сих пор у нас нет более или менее систематизированных литературных источников по этому вопросу, которые могли бы в сравнительно небольшом объеме дать освещение этого вопроса.

Мой доклад охватывает в основном национально-колониальный вопрос и базируется на работах Ленина и Сталина, неоднократно занимавшихся критикой люксембургизма. Я пользовался также работами гг. Клары Цеткин, Краевского и других, писавших на эту тему. В докладе я использовал мои печатные труды по этому вопросу, а также мой доклад в институте народов Востока и ассоциации марксистов-востоковедов.

Совершенно ясно, что характер настоящей работы, поскольку она связана с докладом, хотя и немного расширенным впоследствии, не дает возможности осветить вопрос о люксембургизме исчерпывающим образом, даже по линии национально-колониального вопроса.

Эта область работы требует к себе огромного внимания и длительного критического изучения; это необходимо как для научной работы у нас, так и для теоретических и практических работ зарубежных секций Коминтерна.

Вскоре после моего доклада появились в печати ранее принятые тезисы ЦК компартии Польши по вопросу о люксембургизме, где указывается, что «долг КПП, как наследницы С. Д. П и Л, — проведение основательной самокритики в области идеологического наследия люксембургизма». Совершенно ясно, что КПП приходится одновременно преодолевать и меньшевистское наследие, которое имело в рядах «левицы ГПС», влившейся в 1918 г. в ряды КПП.

Между прочим тов Ю. Ленский ознакомился с содержанием этой работы и внес некоторые существенные поправки, которые

включены в текст. Эта работа, я надеюсь, сумеет быть использована и работниками КПГ в их борьбе с люксембургизмом, ибо это общая борьба для всех секций Коминтерна.

Люксембургские ошибки так же, как и ошибки германских левых, имеют в своей основе влияние антимарксистских установок II Интернационала, которые они в той или иной мере разделяли. Левые оставались на полупути к большевизму-ленинизму. Это сильно сказывалось во всех решительных моментах международной борьбы пролетариата: поступки левых бывали половинчаты и революционно недостаточно выдержаны; левые не оказались в состоянии дать конкретный марксистский анализ эпохи пролетарских революций и войн. Отсюда их теоретические в вопросах диктатуры пролетариата и организационные ошибки. Они не смогли своевременно совершить раскол с оппортунистами, что сильно сказывалось на всем рабочем движении. В настоящее время при крайне остром мировом экономическом кризисе, когда мы вступили в новый тур революций и войн, надо иметь наше теоретическое оружие в полной боеспособности. Наши враги используют против нас ошибки Розы Люксембург. Поэтому необходимо всесторонне и углубленно их критиковать, разъясняя рабочим, что было у нее глубоко ошибочным и в чем она сходилась с большевизмом. Этим мы окажем ценную услугу революционному рабочему движению.

Автор.

ЗНАЧЕНИЕ БОРЬБЫ С ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВОМ

Я не собираюсь охватить здесь все вопросы люксембургизма, так как это довольно обширная область. Я хочу в основном остановиться на борьбе ленинизма с люксембургизмом в национально-колониальном вопросе. Известно, что по этой линии между Лениным и люксембургийцами была довольно длительная и упорная борьба в течение десятков лет. Этот вопрос занял определенное место в истории нашей партии и в частности в момент объединения нашей партии на ее II съезде.

Но так как национальный вопрос не стоял особняком от всех других ошибок люксембургизма, я не смогу обойти в этом докладе основных разногласий между нами — большевиками — и люксембургийцами. Я должен по целому ряду политических вопросов показать, как увязываются наши общие разногласия с установкой Розы Люксембург в национальном вопросе.

Я должен буду заранее оговориться, что ни для кого из нас не подлежат сомнению те большие заслуги, которые имеет Роза Люксембург в борьбе с ППС, а также с реформизмом вообще и отчасти с российским меньшевизмом. Ленин неоднократно подчеркивал эти ее заслуги. Ленин считал партию ПСД, разделявшую общие взгляды Розы Люксембург, марксистской, одной из самых близких к нашей большевистской партии. Одновременно он боролся с ошибками Розы Люксембург и польских социал-демократов.

Известен отзыв Ленина о Розе Люксембург после ее убийства. Он сравнил Розу с орлом, которому «случалось ниже кур спускаться». Еще раньше, до войны, Ленин писал: «Розу Люксембург, конечно, нельзя приравнять к Либманам, Юркевичам, Семеновским, но тот факт, что именно подобные люди уцепились за ее ошибку, доказывает с особенной наглядностью, в какой оппортунизм она впадала»*.

На ряду с этим нужно иметь в виду, что в настоящий момент борьба с ошибками Люксембург стала более актуальной, стала более обязательной для нас, и нам приходится особенно заострять внимание на разоблачении этих ошибок. Об

* Ленин, соч., т. XIX, стр. 148.

этом говорили и т. Сталин в своем известном письме, а также и т. Каганович в речи на праздновании десятилетнего юбилея ИКП.

Тов. Сталин не случайно заострил внимание компартии на борьбе с люксембургянскими установками, — актуальность этого вытекает из нашей действительности, из всей современной обстановки. Зачастую ныне уклоняющиеся в сторону великодержавного национализма прикрываются интернационалистическими фразами, взятыми из старого архива люксембургянства.

Имеются в нашей партии и такие, которые утверждают, что в период развернутого социалистического строительства национальный вопрос в СССР теряет свое значение, и это также приписывается «интернационалистической» фразеологией. Об этих так называемых ползучих уклонах очень подробно говорил т. Сталин на XVI партсъезде. Партия со всей непримиримостью борется с проявлениями этих уклонов как в теории, так и на практике.

Борьба с люксембургянством имеет актуальное значение также и в области борьбы Коминтерна за рубежом с ренегатами и оппортунистами, которые под видом проведения в жизнь более «европеизированного большевизма», чем «прямолинейный русский» ленинский большевизм, выступают под флагом люксембургянства.

Нельзя игнорировать и тот факт, что на III съезде СДП и Л тогдашний председатель ИККИ Зиновьев в своем выступлении, кокетничая с люксембургянством, также заявил, что оно является западно-европейским типом большевизма. Значит наш-то большевизм является в лучшем случае восточно-европейским или азиатским! Такие рассуждения с большой готовностью подхватывают наши враги. Такими фразами пользуются для сбивания масс особенно за границей троцкисты, брендлеровцы и т. п., против них надо теперь вести самую решительную борьбу.

Тов. Каганович в своей речи на юбилее ИКП сказал, что люксембургянство является теперь тем знаменем, при помощи которого троцкизм и его союзники стараются переманить на свою сторону несознательных рабочих, используя популярное в массах имя Розы Люксембург. Они при этом оперируют всеми отрицательными моментами ее учения, что особенно рельефно выразилось в ее взглядах на национальный вопрос, и в то же время сбрасывают то правильное, революционное, в чем она сходилась с Лениным.

Тов. Каганович выразил это очень четко и образно в следующих словах: «А дело в том, товарищи, и в этом новое сегодняшнего дня, что троцкисты, ~~стыдливые~~ ^{блудливые}, бледнеющие, краснеющие, чернеющие, в прямом и переносном смысле этого слова, троцкисты не могут сейчас выступать под позорным контрреволюционным знаменем Троцкого, которое подхвачено теперь самыми лютыми, злейшими врагами пролетарской диктатуры. А поэтому

открытые и скрытые троцкисты подхватывают новое знамя, знамя люксембургизма, знамя Розы Люксембург, замученной немецкими социал-демократами, чтобы злоупотреблять им в своих троцкистских целях».

Указав, насколько вопрос о люксембургизме актуален и в наших условиях, когда бывшие троцкисты, особенно из бывших люксембургизмов, еще до сих пор не изменили окончательно своих старых, вредных установок, т. Каганович иллюстрировал это примером недавнего выступления т. Радека. Тов. Каганович сказал: «На фракции общества историков-марксистов выступил т. Радек. Он признал ряд своих ошибок, он признал, что Роза Люксембург не всегда занимала правильную большевистскую позицию. Однако он не связал свою ошибочную позицию, когда он был вместе с Розой Люксембург, со своей ошибочной позицией потом, когда он был вместе с Троцким. Он развивал теорию, что Роза Люксембург является мостом для лучших с.-д. рабочих к нам, и поэтому надо полегче ее критиковать. Во-первых, эта теория неправильна: не обязательно, чтобы рабочие приходили к нам через люксембургинский мост; во-вторых, те рабочие, которые еще связаны с этим мостом, должны знать об ошибках левых с.-д., чтобы учиться на этих ошибках и стать настоящими большевиками. В противном случае, если ты будешь замазывать ошибки Розы Люксембург, этот мост будет мостом к социал-демократии, а не к коммунизму. А если ты по-большевистски будешь вскрывать ошибки Розы Люксембург — это будет для рабочих мостом от социал-демократических ошибок к большевикам. Вот как большевики должны поставить этот вопрос. А т. Радек не договорил до конца. Видимо, это объясняется тем, что он не вскрыл полностью, что он-то сам либо оказался мостом между Розой Люксембург и Троцким, либо прошел через мост от Розы Люксембург к Троцкому по общему большевистскому пути».

Если раньше мы критиковали и разоблачали люксембургизм как «левацкий» уклон, в то же время идущий на компромисс с меньшевизмом, отчасти и бундизмом, то сейчас т. Сталин поставил вопрос о люксембургизме более определенно, как подходящее во многом к полуменьшевизму. Мы говорим о люксембургизме как о системе ошибочных взглядов по целому ряду основных вопросов, которые еще и сейчас являются для пролетарской революции актуальными и решающими.

Оценка люксембургизма как полуменьшевизма логически вытекает из всей системы взглядов Розы Люксембург и ее последователей. Ошибочность люксембургизма, понятно, нашей партией выявлена не только сейчас. Но, как мы уже указали, поскольку троцкисты, брандлеровцы и все прочие пособники II Интернационала стараются заработать известный политический капитал, прикрывая свою измену ошибочными теориями Розы Люк-

* «Правда» от 12/XII 1931 г.

сембург и при этом тщательно скрывая все то, что было у нее революционного, положительного, то, в чем она сходилась с Лениным, нам приходится сейчас особенно резко подчеркнуть отрицательные стороны и разоблачить грубейшие политические ошибки люксембургизма. Это с одной стороны будет способствовать подрыву контрреволюционной работы троцкизма и его союзников, с другой — поможет искренним товарищам, которые еще болеют этими ошибками, скорее от них избавиться, поможет воспитывать себя в духе большевизма-ленинизма. Не менее важно сохранить для молодого поколения революционное имя красной Розы, очистить его от той грязи, которой стараются запятнать его ее «сторонники» в лице троцкистов, меньшевиков и т. п.

Это тем более важно, что последний год своей жизни Роза Люксембург стала на путь коренного исправления своих ошибок делами, революционными выступлениями против меньшевиков, против немецкой социал-демократии, которую она еще раньше называла «смердящим трупом». Роза была одним из инициаторов создания III Интернационала, группы «Спартак», а затем германской компартии. Она погибла героической смертью на поле брани от рук социал-демократических палачей.

Очень важно напомнить, что Роза Люксембург в своих выступлениях на учредительном съезде компартии Германии фактически отказалась от многих важнейших своих ошибок, в частности от ошибок в оценке нашей политики после Октября. На этом съезде Роза Люксембург выступила за советскую власть в Германии. Смерть помешала ей произнести радикальный пересмотр всей системы своих взглядов, вскрыть свои ошибки перед пролетарской общественностью во всем объеме, со всей глубиной и решительностью. Это мы должны теперь сделать за нее, помня, что она сама решительно стала на этот путь.

Разоблачение люксембургизма для нас очень важно также и по внутрипартийным соображениям.

Еще на V пленуме Исполкома Коминтерна в связи с задачей борьбы с люксембургизмом и его сторонниками было выдвинуто положение, что «чем ближе эти деятели стоят к ленинизму, тем спаснее взгляды их в той части, в которой, будучи ошибочными, эти взгляды не совпадают с ленинизмом», ибо тем легче этим деятелям ввести в заблуждение массы и тем легче им подтасовать свои взгляды под ленинизм.

Между прочим имеются у нас такие авторы, как Алтер, считающие, что люксембургизм для западно-европейских рабочих есть важнейший этап на пути к ленинизму. Вообще этот автор оценивает люксембургизм всего-навсего как особое течение, отличное от ленинизма. Все то, что мне придется развивать здесь перед вами, покажет вам дальше эту контрбандную теорию Алтера в полном свете, поэтому мне нет надобности больше останавливаться на этом.

ЛЮКСЕМБУРГИАНСКОЕ ПОНИМАНИЕ ДВИЖУЩИХ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ

Как я уже сказал, нельзя правильно, по-марксистски, осветить взгляды Розы Люксембург на национальный вопрос, если не остановиться на основных разногласиях люксембургизма с большевизмом по важнейшим проблемам революции. Начну с методологических вопросов, с оценки и понимания Розой Люксембург движущих сил революции.

В отличие от Ленина Роза Люксембург относилась к общему историческому процессу, к процессу назревания революции, к процессу всего революционного рабочего движения, как к фаталистическому явлению. Она часто подчеркивала так называемую неизбежность революции, вытекающую из объективных условий. Научный марксизм подчеркивает всю значимость объективного фактора, все значение противоречий развития капитализма, развития разных экономических укладов и т. д. Но у Розы Люксембург наблюдались тут искажения, она недостаточно оценивала при этом значение субъективного фактора, значение и роль партии пролетариата как решающей, руководящей силы, форсирующей назревающие революционные события, подводящей массы на их собственном опыте к революционным действиям. Например, партия умелой тактикой заставляет колеблющиеся пролетарские элементы перейти на сторону революции, вносит раскол в лагерь мелкой буржуазии и возглавляющей ее партии, беря на буксир более левые, решительные элементы, нейтрализует крестьянина-середняка, чтобы вскоре превратить его в своего союзника, использует отрицательные моменты в положении своих врагов, подрывающие их влияние, и т. д. и т. п.

Тактика партии в руководстве ходом революции выработалась у нас на опыте наших трех революций и всех крупных революционных событий мирового пролетариата и показала с полной ясностью роль партии и других факторов субъективного характера. Совсем не то мы видим у Розы Люксембург.

Вот что писала она в своей статье в 1902 г. «Социал-партийческие программные зигзаги»: «...Социалистическое ус-

тремление и рабочее движение стали теоретически и все более становятся практически тождеством и одновременно исторической силой, сознающей свои цели и шествующей вперед с фатализмом законов природы. В самой чистой форме примером этого является почти математический рост германской социал-демократии». Об этом же сказано и в другой из ее работ:

Если бы в рабочем движении, в пролетарской революции было все так фаталистически или еще более упрощенно, все двигалось бы по законам природы, как затмение солнца или прилив и отлив моря и т. п., тогда роль авангарда партии и тем паче вождей свелась бы почти на-нет. Им не пришлось бы выполнять даже «акушерских» функций при родах революции, так как будет ли новорожденный ребенок — революция — мертвым или живым зависит от природы. Это далеко не соответствует установкам Маркса по этому вопросу, а совпадает с традициями II Интернационала; это скорее подходит к теории квиетизма Штамлера.

Маркс подчеркивал, что во время революции создавшееся объективное положение довольно часто является следствием субъективных факторов, например, решающей роли тех лиц, которые стоят во главе революционного движения. Маркс доказывал, что в конечном итоге эти субъективные факторы являются следствием объективных факторов, например, какой класс, при какой зрелости может выдвинуть той или иной квалификации вождей. Отсюда совершенно ясно, что теория фатализма Розы Люксембург совершенно не верна и противоречит марксизму. Маркс особо подчеркивал значение субъективных факторов в начале революции*.

Роза Люксембург, оставаясь верной своей концепции, что дело решает стихийное выступление масс, пишет: «Овладесть и руководить не началом революционного движения, а его концом, его результатами — такова единственная разумная цель, какую может ставить себе политическая партия, если она не хочет упасть ни в фантастическую переоценку своей мощи, ни в бессильный пессимизм» («Взрыв революции в царской России»).

Из этой теории фатализма вытекала и слабая организационная деятельность руководимой Розой Люксембург СДП и Л. Эта партия не развернула ряда необходимых мероприятий, чтобы захватить под свое влияние широкие беспартийные массы, овладеть массовыми беспартийными организациями, как, например, профсоюзами или в момент революции 1905 г. советами рабочих депутатов.

Известно, что СДП и Л стояла за партийные профсоюзы, что закрыло доступ туда беспартийным рабочим, хотя и сочувствующим революционной борьбе, но нуждающимся еще в предварительной школе перед вступлением в партию. То убеждение, что революционный процесс фаталистически приводит рабочих

* См. его письмо к Кугельману от 17 апреля 1871 г.

в ряды партии, привело партию СДП и Л к отрицанию революционной роли советов в условиях Польши. Теория стихийности брала верх над теорией сознательного руководства.

Все это последовательно привело Розу Люксембург к отрицанию возможности иметь заранее обсужденный конкретный план действий на определенный период революции.

Нам придется более подробно привести установки Розы Люксембург по этому вопросу. После раскола партии на II съезде Роза Люксембург в своем выступлении (в меньшевистской уже «Искре», № 69) против организационных принципов партии, высказанных Лениным в его «Что делать?» и работе «Шаг вперед, два шага назад», назвала эти взгляды бланкизмом, доказывая, что бланкизм — это «тактика и ближайшие задачи деятельности, импровизируемые свободно и по вдохновению без связи с почвой элементарной классовой борьбы, выработанные наперед до мельчайших подробностей, отливающиеся в форму заранее намеченного плана, в корне отличные от условий социал-демократической деятельности. Последняя исторически вырастает из элементарной классовой борьбы. При этом ей свойственно то диалектическое противоречие, что пролетарская армия впервые рекрутируется в самом процессе борьбы и в борьбе же впервые создает задачи этой борьбы».

Из этого видно, что иметь заранее намеченный революционный план — это бланкизм. Если помните, меньшевики тоже старались острить по поводу плана Ленина, что он якобы предлагает «назначить» революцию в осеннюю темную ночь и непременно с воскресенья на понедельник, когда полиция пьяна, и т. п. О настоящем отношении Ленина к назначению сроков революции мы скажем после, а пока будем дальше цитировать упомянутую статью Розы Люксембург. Здесь она еще рельефнее показывает свой полуменьшевизм, отрицая роль руководства революционной партией. Она говорит: «Всемогущее центральное учреждение в партии со всем почти неограниченным правом вмешательства и контроля, по ленинскому идеалу, было бы явной бессмыслицей, если бы оно ограничивало свою власть исключительно чистой технической стороной социал-демократической деятельности. политическая цель такого всемогущего центрального учреждения (в партии) была бы понятна лишь в том случае, если бы оно могло свои силы обратить на создание единой боевой тактики, взять на себя инициативу крупного политического действия». Но что она, однако, видит в тех перипетиях, которые до сих пор переживало русское движение, когда утверждает, что «важнейшие и наиболее плодотворные повороты тактики за последние десять лет движения не были выдуманы каким-нибудь руководителем движения, — не говоря уже о руководящих организациях, но всякий раз были самопроизвольным продуктом разгоревшегося движения?»

это выступление Розы Люксембург предшествовало революции 1905 г. Пятый год отчетливо показал, как правильно большевики предвидели нарастающий революционный подъем широких масс пролетариата и крестьянства. Роза Люксембург выступает против «ленинского идеала» твердого партийного руководства по определенному плану действий, рекомендуя полагаться на самопроизвольные продукты движения, т.е. то самое, что предлагали «экономисты», то, что вошло как важнейшая составная часть идеологии продолжателей экономизма — меньшевиков, и против чего так горячо протестовал Ленин, утверждая, что «вся история международной социал-демократии кишит планами, которые выдвигались то одним, то другим политическим вождем, оправдывая дальновидность и верность политических организационных взглядов одного, обнаруживая близорукость и политические ошибки другого»^{*}.

Отношение Ленина к установлению сроков революции рисуется нам совершенно иначе, чем представляет это Роза Люксембург. Ленин писал: «Мы не можем знать, произойдет ли первая решающая битва пролетариата с буржуазией через четыре года или через два, или через десять и более лет. Последует ли «вторая» «решающая» битва пролетариата с буржуазией еще через десятилетие, но мы твердо знаем и «наверно» утверждаем, что теперь наш немедленный долг поддерживать родившиеся брожение и демонстрации, которые уже начались»^{**}.

Уже после Октября Ленин зло иронизирует над «левыми» коммунистами, в свое время утверждавшими, что в течение весны и лета 1918 г. должно начаться крушение мирового империализма. Ленин указывает, что «детям свойственно «понимать» науку так, что она может определить, в каком году, весной или летом, осенью или зимой «должно начаться» то или иное крушение» (Ленин, «Детская болезнь левизны»). Вот диалектический подход Ленина, стоявшего твердо за план, за генеральный план революции, вытекающий из глубокого анализа движущих сил революции, дающего возможность видеть далеко вперед без оракульских предсказаний и вольных гаданий.

Весь опыт борьбы Ленина и нашей партии за пролетарскую революцию доказал, что, когда революционные события широко развернулись, можно назначить и день и час революционного переворота для захвата власти, что и было сделано большевиками в Октябрьскую революцию.

Однако мы не можем отождествлять Розу Люксембург с меньшевиками в ее ошибочных установках о значении «исторического процесса фатализма». Она, к счастью, не всегда была последовательна в своих ошибках. Она высказывала и вполне здоровые мысли. Отсюда ее близость к большевизму. Особенно

^{*} Ленин, соч., т. IV, стр. 398.

^{**} Ленин, соч., т. XIII, стр. 247.

поддавалась она влиянию большевизма под влиянием периода революции 1905 г. Приведу пару примеров. В своей книжке «Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия» Роза Люксембург пишет: «Социал-демократия — самый развитый, **самый сознательный передовой отряд пролетариата**; она не может и не смеет, сложа руки, фаталистически ждать наступления «революционной ситуации», она не может и не смеет рассчитывать, что это стихийное народное движение овалится с неба. Она должна, наоборот, в этом отношении как всегда идти впереди событий, стараться их ускорить. Достигнуть же этого она может не тем, что в удобный или неудобный момент ни с того, ни с сего даст «лозунг» массовой стачки, а прежде всего выяснением в самых широких пролетарских слоях неизбежного наступления этого революционного периода, ведущих к нему внутренних социальных моментов и его политических результатов» (стр. 59).

Эти рассуждения показывают, что Роза Люксембург не всегда стояла на точке зрения «революционного фатализма» и, иногда отступая от него, придавала большое значение подготовке революции, мероприятиям по ускорению ее. Таким образом под влиянием революции 1905 г. Роза Люксембург сделала большой шаг вперед, изменив в известной степени своим рассуждениям о стихийности, неизбежности революции и т. д. Правда, в последних абзацах приведенной цитаты она также недооценивает значения революционного лозунга и ссылается на неизбежность наступления революционного периода, но все-таки общий тон этих рассуждений совершенно иной.

В предисловии к русскому изданию упомянутой брошюры Роза Люксембург спорит с русскими социал-демократами (фактически с меньшевиками), давая совершенно неменьшевистскую оценку «исторического процесса». Вот что она пишет: «В действительности же русские товарищи в своем безграничном уповании на «исторический процесс» и его благие последствия по отношению к социал-демократии доходят до таких результатов, какие в Германии были бы совершенно немыслимы и непонятны для любого социал-демократа» (стр. 10). Она ссылается на пример, характерный для меньшевиков: основывая в Киеве профессиональный союз, меньшевики высказались против включения в устав союза параграфа о защите классовых интересов пролетариата, так как классовая борьба сама по себе сопутствует пролетарскому движению. Эти высказывания Розы Люксембург также идут вразрез ошибочным установкам ее в отношении оценки «исторического процесса».

ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВО НЕ ПРИЗНАЕТ ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕРАСТАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Роза Люксембург не понимала установки Маркса, развитой и дополненной Лениным, о перерастании революции из буржуазно-демократической в пролетарско-социалистическую. Ленин считал, что и революция 1905 г. могла немедленно в процессе своего развития перейти к непосредственной борьбе за социалистическую революцию: «от революции демократической мы сейчас же начинаем переходить и как раз в меру нашей силы... к социалистической революции»*. Роза Люксембург в 1908 г. утверждала противоположное. Она говорила, что «нынешний рабочий класс не может обманываться надеждой, что, свергнув самодержавие и достигнув на некоторое время диктатуры, он введет социалистический строй». Из сказанного ясно, что Роза Люксембург допускает, в отличие от меньшевиков, провозглашение временной диктатуры пролетариата, но не для того, чтобы положить начало строю социализма, а для проведения лишь тех демократических мероприятий, о которых Ленин говорил, что пролетарская революция их решает «походя», в начале «переходного периода».

Для Розы Люксембург этого переходного периода не существует, и в вопросе о перерастании она остается на полуменьшевистских позициях.

Роза Люксембург фактически сторонница не ленинской теории перерастания, а перманентной революции, в полуменьшевистском духе Парвуса и Троцкого, что также вытекало из непонимания ею вопроса о союзниках пролетариата в революции.

Важнейшим в ошибочной системе взглядов люксембургянства является неленинский взгляд на крестьянство и его роль в революции, на его способность быть союзником пролетариата. Остановлюсь на основных взглядах люксембургянства по этой линии.

Тов. Мархлевский, соратник Розы Люксембург, в своей работе «Польша и мировая революция» совершенно недооценивает роли и значения крестьянства в революции. Он пишет о

* Ленин, соч., т. VIII, стр. 186.

Польше: «Что касается крестьянства, то оно оставалось политически совершенно индифферентным. Сильно угнетают его лишь хозяйничанье чиновников, гнет налогов и воинская повинность. Но о готовности крестьянской массы к упорной борьбе за свержение царистского господства не могло быть и речи».

Еще более резко и определенно высказался по крестьянскому вопросу в Польше Тышко на VI съезде СДП и Л: «Мы все признаем, что аграрный вопрос является чуть ли не главной проблемой нынешней революции. Но.. крестьянство не может сыграть той самостоятельной роли рядом с пролетариатом, которую ему приписывают большевики.. почему пролетариат, которому приходится бороться за свои собственные интересы, должен занять по отношению к крестьянству позицию, рекомендуемую большевиками, и видеть в крестьянстве нечто вроде своего исторического союзника».

Если еще по отношению к России люксембургянцы признавали за крестьянством определенную революционную роль, хотя сильно недооценивая ее, то по отношению к польскому крестьянству эта роль совершенно отрицалась. В «Уроках трех дум» Роза Люксембург писала: «В Польше крестьянское движение не существует как отдельное революционное движение. В России оно играет роль революционного фактора первостепенной важности. Задачей партии пролетариата является всяческая поддержка крестьянского движения и руководство им, стремление по возможности возглавить его, увлечь его за собой. Однако сотрудничество в революционной буре еще не создает ни общности, ни единства сознательной политики».

Таким образом лозунг Ленина в 1905 г. о революционной диктатуре пролетариата и крестьянства отвергается люксембургянством. Действительно, некоторая разница в роли крестьянства России и Польши имела (в подробности этого вопроса я здесь не могу вдаваться, эта тема для отдельного доклада), но все же отказ от своевременного использования для пролетарской революции крестьянской массы, как союзницы пролетариата, даже в условиях Польши, безусловно, неправилен и является плодом ошибочных установок люксембургянства.

Мы имеем по этому вопросу самокритические указания г. Дзержинского, когда он со всей прямотой и решительностью, свойственной ему, сказал в 1924 г.: «Помните, что мы проиграли в 1920 г. войну с Польшей. Мы проиграли ее между прочим потому, что наши польские товарищи-коммунисты стояли именно на схематической точке зрения. Они не усвоили, что одним из главных элементов, двигающих революцию, является понимание интересов крестьянства. Перед нашими польскими товарищами не вставал вопрос о необходимости передачи крестьянству имеющихся в Польше хорошо оборудованных поместий. Они думали, что этими поместьями должны завладеть живущие в них батраки и рабочие, и польские коммунисты за миску

похлебки продали право первородства, а именно власти. Они забыли то условие, которое единственно может обеспечить переход власти в руки пролетариата».

Эти люксембургские ошибки признаны со всей определенностью самой польской компартией и зафиксированы в ее постановлениях.

Мы должны особо подчеркнуть крупные ошибки Розы Люксембург в вопросе о переходном периоде между капитализмом и социализмом. Ленин чрезвычайно много работал, особенно во время войны, над этим вопросом, ставя его как один из важнейших вопросов революции. Роза Люксембург не признавала значения переходного периода, она его игнорировала; по ее установкам выходило, что после победы пролетариата сразу же наступит полный социализм. Вся ее теория о неизбежности пролетарской революции учитывает в тактике два момента: либо социализм, либо капитализм; переходного периода между этими двумя этапами периода, который связан с целым рядом серьезнейших вопросов социалистического строительства, в том числе с переустройством всего общества и перевоспитанием самого пролетариата в борьбе с элементами капитализма и ликвидацией пережитков капитализма в сознании людей, этого переходного периода Роза Люксембург не признавала, возможно и не понимала всего его значения.

Забегая немного вперед, приходится констатировать, что именно эта ошибка особенно сказывалась на взгляде люксембургянец по национальному вопросу.

Как следствие этого у Розы Люксембург, например, получилось то, что при капитализме независимость Польши — утопия, а при социализме она ей не нужна. О значении национальной независимости хотя бы в переходном периоде она и не задумывалась. В общем и в этом вопросе на ней сказывалось влияние идей «перманентной» революции, которые связаны с непониманием всего значения переходного периода, ибо и там перескок через определенные, неизбежные исторические фазы. Правда, ошибки эти не одного и того же порядка, но общие моменты между ними имеются.

Причастность люксембургянец к теории перманентной революции видно из заявления Тышко на VI съезде СДП и Л: «Неосомненно позиция, которую заняли в некоторых кардинальных вопросах Парвус и Троцкий в русском движении, и взгляды, которые еще ранее нашли свое подобное выражение и почву в польском социал-демократическом движении, имеют между собою весьма много общего». Роза Люксембург неоднократно указывала, что социалистическая революция возможна только в международном масштабе и одновременно, без учета условий переходного периода.

В трудах Ленина мы находим ряд указаний о значении национального вопроса в переходный период. Например, Ленин

пишет: «Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т.-е. их свободы, отделения».* Совершенно ясно, что во времени эти два переходных периода не отличаются друг от друга, а скорее сливаются в единый диалектический процесс. Диктатура пролетариата ведет к освобождению наций, к их развитию, а в дальнейшем на этой базе нации пойдут по пути слияния, подготовленного переходным периодом. У Розы Люксембург не было в поле зрения этого переходного периода; она не нашла такого периода, когда нужна была бы национальная независимость, свобода отделения и т. п.

В другом месте, по другому поводу Ленин пишет: «Ибо в действительности мы не знаем и не можем знать, какому числу угнетенных наций понадобится на практике отделение, чтобы внести свою лепту в разнообразие форм демократии и форм перехода к социализму»**. Ленин останавливается здесь на вопросах отделения наций в связи с формами перехода к социализму, так как в период, когда ведется обостренная классовая борьба, крайне важно, чтобы эта борьба не затенялась моментами, которыми буржуазия может легко воспользоваться для удержания за собой своих национальных масс.

Как известно из опыта СССР, мы имели не одну попытку буржуазии устранять контрреволюционные организации на национальной почве и представить нашу национальную политику в искаженном виде. Это показывает, как правы Ленин и Сталин, придающие национальному вопросу в переходном периоде колоссальное значение. Люксембургинцы в противовес этому считали, что сразу после победы пролетариата национальный вопрос отпадет. Они не поняли сущности переходного периода.

* Ленин, соч., т. XIX, стр. 40.

** Ленин, соч., т. XIX, стр. 230.

РАЗНОГЛАСИЯ

С ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВОМ по ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ВОПРОСАМ

Я уже говорил, что Роза Люксембург выступала против Ленина по организационному вопросу. Для полноты картины останемся на тех разногласиях, которые были у нас с меньшевиками по вопросу о характере организационного построения партии и о роли каждого члена партии.

Когда Ленин выдвинул всем известный знаменитый параграф 1 устава о том, кто может быть членом нашей партии, Роза Люксембург несколько позже резко выступила против этого параграфа в защиту меньшевизма. Она была против наших установок и стояла за более свободные формы партийной организации. Находясь под влиянием общих установок немецкой социал-демократической партии, она незаметно увлеклась легальными формами и методами работы этой организации, которую считала тогда образцовой.

По организационному вопросу Роза Люксембург имеет еще более серьезные политические ошибки в позднейший период. Эти ошибки также на руку меньшевикам. Она не признавала правоты большевизма даже после явных антипартийных действий ликвидаторов во время реакции и антибольшевистского августовского блока, где была гегемония троцкизма, с которым у Розы Люксембург было не мало точек соприкосновения. Еще в 1912 г., после пражской конференции, когда у нас был полный разрыв с меньшевиками, Роза Люксембург писала, что, стремясь к тому, чтобы вся партия была революционной, нужно «бороться со всеми фракционными устремлениями, поскольку они ведут к подрыву партийного единства, и содействовать сохранению этого единства. Отсюда ясно вытекает наша позиция: обязанные выступать против фракционных стремлений и стоять на страже партийного единства, мы не можем идти вместе с ленинцами, которые разбивают это единство. И мы того мнения, что по крайней мере открытые ликвидаторы должны быть исключены из партии. Но этого не вправе делать какая-либо отдельная группа».

Так Роза Люксембург фетишизировала формальные организационные принципы, а именно то, что только партийный съезд

большинством голосов может выкинуть буржуазных либералов из партии, а пока этого съезда нет и меньшевики вкупе с Бундом и Троцким идут рука об руку с ликвидаторами, большевики не смеют иметь свою отдельную революционную, марксистскую, пролетарскую партию. Роза Люксембург так далеко заходила в своей критике большевиков в тот период, что по поводу пражской конференции, окончательно оформившей исключение меньшевиков из партии, писала в «Червонном штандарте»: «Ленинизм по своей природе — это политика непрекращающихся расколов. Таковы уж судьбы ленинизма. Предоставленный самому себе он должен все время раздваиваться и приводить расколы до бесконечности» (№ 188). Тут чувствуется уже не критика, а прямое высмеивание революционной тактики большевиков. Может быть она тогда была особенно охвачена резкой фракционной борьбой внутри РСД, а против ее фракции особенно выступали большевики. Но это не оправдание.

Роза Люксембург неоднократно стояла за объединение большевиков с меньшевиками, которых она видимо не считала агентами буржуазии в рядах пролетариата; она увидела их измену только во время империалистической войны.

К РСДРП Роза Люксембург подходила довольно часто с германской меркой, особенно ее прельщало то, что в Германии была единая партия. Она считала, что разница между правым и левым крылом в Германии была больше, чем у нас, и все же они уживались в рамках одной партии, Роза Люксембург никак не могла понять, почему в России нужно настаивать на расколе и организационно это зафиксировать. Правда, ее коробило, что крайне правое крыло немецкой социал-демократии остается в партии, но она не пыталась организационно оформить раскола, с центристами же была очень близка. Только мы, большевики, всегда призывали к расколу с реформистами. Когда-то, заметим в скобках, Роза Люксембург была за исключение Э. Бернштейна из немецкой партии, но затем сняла и это свое предложение.

Борясь с реформистами, Роза Люксембург все же не была так последовательна как мы; полуменьшевизм, особенно в организационных вопросах, тяготел над нею, и она именно в этом вопросе не поддавалась нашей большевистской «раскольнической» тактике. Помнится Ленин отметил, что над Розой также тяготели дружеские отношения с центристами. Опубликованная переписка между нею и Луизой Каутской полностью подтверждает это.

Вот характеристика Ленина: «Юниус (т.е. Роза Люксембург.—С. Д.) не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги. В брошюре Юниуса чувствуется одиночка, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе. Но такой

недостаток... не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантизма, «дружелюбия» к оппортунистам»*.

На Розу Люксембург влияло еще и то обстоятельство, что она имела перед собою пример работы насквозь мелкобуржуазной националистической партии — ППС, которая раскалывала революционное движение Польши, обманывая трудящиеся массы, в том числе и часть польских рабочих, отравляя их ядом национализма. Когда Роза сравнивала наших меньшевиков с ППС она давала предпочтение первым. Она допускала, что меньшевики — марксисты, что их можно переубедить или вернее их большинство можно подчинить большинству партии. История показала, что обе эти партии одинаково находятся в рядах контрреволюции. Следовательно Роза Люксембург не была столь дальновидной, чтобы раскусить меньшевиков. Это и было источником ее крупных ошибок.

Роза Люксембург находилась под влиянием II Интернационала и его господствующей идеологии. Большинство руководителей II Интернационала фетишизировало единство рабочего движения во что бы то ни стало и считало оппортунизм законным течением внутри рабочего класса. Борьбу Ленина за раскол с оппортунистами не только в РСДРП, но также и в других социалистических партиях левые не поддерживали. Это была их крупнейшая ошибка.

* Ленин, соч., т. XIII, стр. 448. 1-е издание.

РАЗНОГЛАСИЯ ПО ВОПРОСУ О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ

Нельзя пройти мимо разногласий Ленина с Розой Люксембург по вопросу о вооруженном восстании и в связи с этим об участии во временном революционном правительстве, так как эти вопросы занимают определенное место в системе взглядов люксембургянцев. И здесь Роза Люксембург оставалась верной себе: будучи без сомнения сторонницей вооруженного восстания пролетариата, она расходилась со взглядами Маркса и Энгельса о методах и формах его организации.

Она писала: «Социал-демократия может внушить массе бодрость и силу... не тем, что дает ей в руки дюжину ружей или поддюжины бомб, но давая ей ясное сознание того основного закона классового рабочего движения, что единственным выходом из всех трудностей массовой борьбы является на каждой ступени ее развития расширение массового действия и рост массы, принимающей в нем участие».

Роза Люксембург вела борьбу с такой партией, как ППС, которая все сводила к количеству ружей и бомб и в этой борьбе она сильно перегнула палку в другую сторону, смазав значение вооружения отрядов революции винтовками, бомбами, пулеметами и т. п. Безоружная масса не может победить врага, вооруженного до зубов. Ленин неоднократно обращал наше внимание на учение Маркса и Энгельса, которые разработали целую систему ведения гражданской войны, уделяя огромное внимание вопросам техники борьбы, стратегии наступления и т. п. Это совсем не похоже на рассуждения Розы Люксембург, которая утверждала даже после декабрьского московского восстания, что «решающей силой явится в конце-концов не организованное в боевые дружины небольшое меньшинство рабочего класса.. но широчайшие массы пролетариата». Эта мысль, сама по себе верная в общем, в период боевых действий, раскалывает дерущийся с оружием в руках пролетариат, подрывает боевую мощь борющихся, ослабляет борьбу. Это совершенно не похоже на ленинские установки, обязывающие революцион-

ную партию поддерживать всякое массовое выступление пролетариата, правильно учитывающие, что это научит пролетариат по-настоящему воевать со своим классовым врагом.

Мы находим у Розы Люксембург представление о революции, как процессе сравнительно мирного характера (это было до 900 годов). Так, например, на штутгартском съезде немецкой социал-демократии она говорила: «Единственный метод насилия, который приведет нас к победе, — это социалистическое просвещение рабочего класса в его повседневной борьбе»; или в ее речи на ганноверском съезде: «Революцию мы совсем не должны представлять себе в виде вил и пролития крови. Революция может протекать также и в культурных формах».

Такого же рода рассуждения мы встречаем у Люксембург и в 1919 г. во время революции в Германии. В программе, принятой КПГ на учредительном съезде, говорится: «Пролетарская революция для своих целей не нуждается в терроре, она ненавидит и питает отвращение к убийству. Она не нуждается в этом средстве, потому что она борется не против лиц, а против учреждений». Как видите, тут много общего с речью Розы Люксембург на ганноверском съезде. Но украсив себя желанной «кротостью», программа КПГ вынуждена была логикой революционной борьбы перейти от «поэзии к прозе» и утверждать дальше совершенно другое:

«Было бы глупой мечтой верить программе—чтобы капиталисты добровольно подчинились социалистическому вердикту какого-либо парламента, какого-либо национального собрания, что они спокойно отказались бы от своей собственности, от своей прибыли, от своего права эксплуатации. их сопротивление должно быть шаг за шагом сломлено железной рукой и с беспощадной энергией. Насилию буржуазной контрреволюции должно быть противопоставлено революционное насилие пролетариата». Это уже не слабенький лепет о «культурных» способах революции, это язык пролетарской революции, загворивший в вихре пролетарских восстаний.

Уместно вспомнить, что у Троцкого, как у центриста, мы также находим соответствующие оппортунистические рассуждения по поводу вооруженного восстания в его речи на процессе Совета рабочих депутатов в революции 1905 г. В этой речи он сводил роль восстания не к силе, а к морали масс. Троцкий сказал: «Совет говорил о вооруженном конфликте с правительством. Но как понимал совет эти свои постановления? Думал ли он, что вооруженное восстание есть предприятие, которое создается в подполье и затем в готовом виде выносятся на улицу? Полагал ли он, что это есть инсurreкционный акт, который можно разыграть по определенному плану? Работал ли исполнительный комитет технику уличной борьбы? Разумеется, нет... Восстание масс не делается. оно есть результат социальных отношений. Не оружия у массы нет и в

большом количестве не может быть. Значит ли это, что масса обречена на поражение? Нет! Как ни важно оружие, но не в оружии главная сила. Не способность массы убивать, а ее великая готовность умирать, вот что обеспечивает в конечном счете победу народному восстанию». Для Троцкого основное в восстании — это, чтобы сердце солдат дрогнуло, когда будут награждены трупы на трупы, — сны, мол, тогда уверуют в победу народа. Троцкий не знает организованной заботы о вооружении масс, техника уличной борьбы им игнорируется; и так же, как Роза Люксембург, он не признает всего значения вооружения масс.

Между прочим во время революции 1905 г. Бунд был тоже за вооруженное восстание вообще, но он утверждал (в сентябре 1905 г.): «Вооруженное восстание необходимо, к нему надо готовиться и готовиться.. Поднять агитацию против думы во имя «вооруженного восстания» вообще нельзя, так как восстание, будучи только средством совершения политического переворота, не может в данном случае служить агитационным лозунгом» («Последние известия», № 247). Тут мы видим, что Бунд собирается без конца готовиться к восстанию, не проводя его в жизнь и даже воздерживаясь от должной агитации за него.

Такая абстрактность Бунда в этом вопросе имеет много общего со старыми взглядами люксембургянцев на восстание.

Следует отметить, что в дальнейшем в своей последней предсмертной статье в 1919 г. Роза Люксембург, видя огромные революционные события в Германии, которыми, как известно, руководила группа «Спартак» во главе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, стала утверждать, что: «Таков уже внутренний жизненный закон революции — не останавливаться на достигнутом в бездействии, в пассивности. Нанлучший способ парирования — это встречный, сильный, крепкий удар. Это основное правило всякой борьбы, прежде всего в революции». Здесь Роза Люксембург делает большой шаг вперед по сравнению с собственными установками в дореволюционный период. На учредительном съезде компартии Роза Люксембург отказалась от ряда своих ошибочных взглядов, особенно по отношению к оценке тактики большевиков после победы пролетарской революции, но в тот же период в статье «В Берлине спокойно» мы снова находим нечто от ее старых установок и опять-таки в решающих вопросах революции, например, созрела ли Германия в 1919 г. для пролетарской революции, о руководстве партии в этой революции и т. п. О зрелости революции Роза Люксембург судит по степени зрелости солдатских масс. Настороженные армии, конечно, имеют огромное значение для победы революции, но не это окончательно определяет ее зрелость.

Роза Люксембург пишет: «Больное место революции в данный момент — недостаточная политическая зрелость солдатских

* Л. Троцкий, «1905 год», стр. 357.

масс, которые все еще позволяют использовать себя своим офицерам для враждебных, контрреволюционных целей. Это уже является достаточным доказательством того, что в этом столкновении прочная победа революции была немыслима. С другой стороны эта недостаточная зрелость солдатских масс является симптомом общей незрелости германской революции». Если первая часть утверждения Розы Люксембург имеет хоть некоторое обоснование, то последнее утверждение абсолютно ошибочно. При вполне зрелом капитализме в Германии и при наличии огромной армии пролетариата, приученного к организованным действиям, при огромном недовольстве масс последствиями мировой войны, при существовании диктатуры пролетариата в соседней России утверждения Розы Люксембург о незрелости революции совершенно не обоснованы; тем более неверна ее установка об «общей незрелости германской революции», а также и дальнейшие утверждения, что в Германии того времени «экономическая борьба, этот главный вулканический источник, которым питается революционная классовая борьба, находится еще в первоначальной стадии развития».

В тот период в экономике Германии дело обстояло далеко не мирно: стоит вспомнить хотя бы о многочисленных забастовках, которые заставили предпринимателей подписать соглашение «о деловом сотрудничестве» с отделениями профсоюзов. Предприниматели пошли на ряд уступок рабочим под давлением массовых стачек, а также из-за боязни заразного примера русской революции, создавшей огромный подъем в революционном настроении германского пролетариата. Все это Розе Люксембург кажется недостаточным для прочной победы.

В этот период Розу Люксембург очень волнует качество вождей немецкой революции, она восклицает: «А вожди, органы, выполняющие его волю, на высоте ли они?... Идет ли их дееспособность рука об руку с растущей энергией масс? Мы опасаемся, что на этот вопрос нельзя ответить утвердительно».

В тот же горячий момент Люксембург выдвигает мысль, что «руководители могут и должны вновь создаваться самими массами и из недр этих масс. Массы являются решающим элементом, она является скалой, на которую будет опираться конечная победа революции». Такие общие рассуждения о вождях в устах лидера партии во время развернутых массовых революционных действий, когда стоит вопрос о захвате власти пролетариатом с «сегодня на завтра», являются далеко неленинскими. Чтобы доказать это, достаточно вспомнить брошюру Ленина «Удержат ли большевики власть?», написанную им приблизительно на соответствующем этапе революции. Здесь, как известно, Ленин изложил точную алгебру революции, переведя ее на язык цифр (240 тысяч большевиков и 130 тысяч дворян), с показателями соотношения сил революции.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОЗУ ЛЮКСЕМБУРГ

Я больше всего говорил об ошибках самой Розы Люксембург и мало останавливался на оценке роли СДП и Л в революции. Дело вот в чем.

СДП и Л, находясь под руководством Розы Люксембург и ее ближайшего единомышленника Тышко, в основном разделяла их ошибочные установки. Иногда рабочие ПСД резко критиковали своих руководителей. Ленин указывал, что во взглядах Люксембург было немало внутренних противоречий. По ряду моментов ее взгляды совпадали со взглядами Ленина, особенно когда она под влиянием большевиков временами резко боролась как с реформизмом в немецкой социал-демократии, так особенно с реформизмом и национализмом ППС. Это вело к последовательным революционным действиям ПСД, которые Ленин неоднократно хвалил. Влияние русского большевизма сказывалось. В мою тему не входит характеристика ПСД и обзор расколов в ней. Я отмечу только, что часть этой партии резко выступала против руководства Розы Люксембург; эта часть в организационных вопросах, особенно в отношениях к меньшевикам, стала ближе к нам, большевикам, чем к группе Розы Люксембург с ее объединенческими тенденциями.

Необходимо подчеркнуть, что в отношении к национальному вопросу была одинаково ошибочная позиция как у заржондовцев (фракция Розы Люксембург), так и у разломовцев. Тут сказался неверный анализ особенностей Польши и оппортунизм.

ПСД в своем игнорировании национального вопроса в Польше считалась главным образом с тем фактом, что шляхта, потерпев жестокие поражения в открытых национальных восстаниях с царизмом, потеряла всякий «вкус» к их повторению. Но ПСД не учла настроения польского крестьянства, которое стремилось к аграрной и национальной революции. Если феодализм в Польше был слабее, чем в России, то это не значило, что там не было места для аграрной, а значит и сливающейся с ней в то время национальной революции, как предполагали руководители ПСД.

КПГ теперь стоит на диаметрально противоположной точке зрения.

Практика люксембургянцев обычно была революционнее их теоретических взглядов, страдавших многими противоречиями. Но бывало немало оппортунистических дел у ПСД. Теоретические ошибки не могли не сказываться на практической работе. Мы уже упомянули об отношении ПСД к советам рабочих депутатов, к профсоюзам. Подробнее не можем останавливаться здесь на этом вопросе.

Прежде, чем перейти к развернутой критике взглядов Розы Люксембург по национальному вопросу, я резюмирую люксембургянство, как систему неверных взглядов. Зафиксируем следующие основные ошибки Розы Люксембург: переоценка значения исторического процесса, как естественно-фаталистического, и в связи с этим умаление роли партии, вождей и вообще субъективных факторов; неправильный подход к вопросу о подготовке вооруженного восстания; неправильное отношение к аграрному вопросу и к роли крестьянства в революции; оппортунистическая оценка русских меньшевиков до империалистической войны; неправильные, оппортунистические взгляды по организационному вопросу партии; отказ от раскола с меньшевиками; отрицательное отношение к беспартийным профсоюзам, советам; непонимание значения и неизбежности переходного периода диктатуры пролетариата; близость к признанию теории перманентной революции; методология механицизма в понимании задач революции. От этих ошибочных установок надо исходить при изучении позиции Розы Люксембург в национальном вопросе.

Перехожу к моей основной теме, т.е. к тем разногласиям, которые были у Ленина и ленинцев с Розой Люксембург по национальному вопросу.

ОЦЕНКА ТОВ. СТАЛИНА РАЗНОГЛАСИЙ С ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВОМ В НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Тов. Сталин в своем письме в редакцию «Пролетарской революции» уделил много внимания нашим разногласиям с левыми радикалами, во главе которых в свое время стояла Роза Люксембург, в особенности по национальному вопросу. Он пишет, что оппортунисты и социал-шовинисты всех стран ополчились против большевиков и травили их как бешеных собак. Люксембургянцы создали оппортунистическую теорию по национальному вопросу, дав этим возможность меньшевикам, нашим лютым врагам, выступить в этом вопросе совместно с «левыми» единым фронтом против нас.

Поскольку для нас очень важно учесть отношение т. Сталина к этому вопросу, необходимо процитировать ту часть письма т. Сталина, которая затрагивает спор с Розой Люксембург в национальном вопросе. Вот что мы читаем в письме т. Сталина: «В период перед войной в партиях II Интернационала выступил на сцену, как один из актуальных вопросов, вопрос национально-колониальный, вопрос об угнетенных нациях и колониях, вопрос об освобождении угнетенных наций и колоний, вопрос о путях борьбы с империализмом, вопрос о путях свержения империализма. В интересах развертывания пролетарской революции и окружения империализма большевики предложили политику поддержки освободительного движения угнетенных наций и колоний на базе самоопределения наций и развили схему единого фронта между пролетарской революцией передовых стран и революционно-освободительным движением народов колоний и угнетенных стран. Оппортунисты всех стран, социал-шовинисты и социал-империалисты всех стран не замедлили ополчиться в связи с этим против большевиков. Большевиков травили как бешеных собак. Какую позицию заняли тогда левые социал-демократы на Западе? Они развили полуменьшевистскую теорию империализма, отвергли принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отвели тезис о серьезном революционном значении освободительного движения колоний и уг-

нетенных стран, отвели тезис о возможности единого фронта между пролетарской революцией и национально-освободительным движением и противопоставили всю эту полуменьшевистскую кашу, являющуюся сплошной недооценкой национально-колониального вопроса, марксистской схеме большевиков. Известно, что эту полуменьшевистскую кашу подхватил потом Троцкий и использовал ее как орудие борьбы против ленинизма^{*}. Почему именно в национальном вопросе так рьяно травили нас наши противники? Дело в том, что национальный вопрос — вопрос особенно сложный, заключающий в себе ряд диалектических противоречий. Наши враги, выступая против нас, старались выпятить какое-либо из этих противоречий и, запутав вопрос, побить нас. В частности Роза Люксембург, не понимая всей глубины ленинской диалектики в нацвопросе, утверждала, что признание права наций на самоопределение, вплоть до отделения, играет на руку буржуазии угнетенных наций; буржуазия, мол, старается выставить на первое место национальный вопрос, использует это в своих целях, чтобы отвлечь пролетариат от объединения с пролетариатом других стран и повести его за собой. За пределы этого «краковского» кругозора она не выходила, не понимая, как пролетариат использует угнетенные массы национальностей в своих интересах.

Есть и еще более серьезные соображения, поставившие национальный вопрос так остро. Разница между большевистским подходом к нацвопросу и тем подходом, который был у наших противников, заключается в том, что мы рассматривали нацвопрос не только по-реформистски, как один из вопросов нашей программы-минимум, но и как один из решающих вопросов пролетарской революции, ибо он стал перерастать из национально-го в национально-колониальный вопрос.

В своей программе действий мы, большевики, в основном исходили из близости пролетарской революции, учитывая возможности, создавшиеся у нас со времени революции 1905 г., когда мы предполагали немедленно перейти от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Мы имели тогда возможность констатировать как факт, что уже тогда созрели основные условия для социалистической революции. Факт зрелости вытекал также из того, что мы считались с состоянием резервов революции, с той основной резервной силой угнетенных национальных и крестьянских масс, которые пролетариат может поднять и повести за собой. Вопрос победы пролетариата заключается в значительной мере в резервах, особенно среди угнетенных национальностей и колониальных народов, ибо рабочий класс как таковой составляет меньшинство населения мира и каждой отдельной страны.

Когда стало ясно, что возрастающие силы пролетариата довольно велики и что они уже могут вступить в решительную борь-

^{*} «Пролетарская революция», № 6, 1931 г.

бу с капиталистическим строем, национальный вопрос стал одним из решающих вопросов, как вопрос о резервах революции. Национальный вопрос превратился из общедемократического в национально-колониальный, непосредственно увязанный с революционной борьбой мирового пролетариата за социалистическую революцию, за власть, за диктатуру. Он стал мировым вопросом.

Люксембургианцы считали, что революция, которая когда-то наступит, проявится в виде какого-то стихийного восстания. Ленин так характеризовал их взгляд на данный вопрос: вот идет армия капитала, вот идет армия пролетариата, между этими армиями будет битва, исход этой битвы решит судьбу революции. Большевики же считали, что революция — процесс довольно длительный. Ленин в споре с Люксембург писал: «...Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов частей мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения неосознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и тому подобного гнета,—думать так, значит отрекаться от социальной революции»*. Не может быть революции без использования всех этих огромных сил, которые не все являются социалистическими, но которые являются или антикапиталистическими или антиимпериалистическими силами, недовольными игром капитализма.

Большинство человечества находится в состоянии национального угнетения и колониального рабства. В статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин указывает, что большинство человечества в Китае, в Индии, в Марокко, в Тунисе находится в угнетенном состоянии и воспитывается в борьбе с капитализмом, а поэтому не может не бороться против угнетения—это и есть залог полной победы социализма.

Национально-колониальный вопрос — один из тех вопросов, который в конечном счете решает судьбу мировой революции. Вопрос единого фронта пролетариата и угнетенных национальностей больше всего беспокоил и беспокоит наших врагов. Ленин учил, что социальная революция не может быть не чем иным, как взрывом массовой борьбы пролетариата и всех и всяких национально-угнетенных и недовольных. Кто будет в числе этих угнетенных? Тут будет и часть мелкой буржуазии и отсталые рабочие; они неизбежно внесут в движение свои предрассудки и свои слабости. Сознательный авангард революции сумеет направить этих недовольных в нужное русло.

В непонимании этого положения и заключалась основная ошибка люксембургианства в национальном вопросе.

* Ленин, соч., т. XIX, стр. 269

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

НАЦВОПРОСА И ОШИБКИ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ В КОЛОНИАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Роза Люксембург, понятно, стояла за освобождение колониальных народов, но в то же время недооценивала всего революционного значения их борьбы за независимость. Признавая значение национальной борьбы на Востоке, она считала, что в Европе не может быть места национальным выступлениям или восстаниям, что здесь национальное движение уже отжило свой век; еще более резко по этому вопросу выступал т. Радек в связи с ирландским восстанием в 1916 г., которое он назвал путчем.

Ленин, подчеркивая со всей силой неверность такой установки, утверждал, что национальный вопрос в Европе имеет огромное значение и может помочь пролетариату в решающий момент его борьбы с капиталом. Вот пример: в результате версальского мира угнетенные национальности Европы насчитывают сорок миллионов. Эти угнетенные национальности представляют собою тот элемент, который способствует загниванию капитализма при империализме. Ленин говорил: удар, с одинаковой силой нанесенный английской властью в Ирландии, во стократ чувствительнее, чем в ее колониях, — от ударов в колониях легче оправиться. Люксембургянцы же этого момента совершенно не поняли и недооценили.

Расхождение Розы Люксембург с установками Ленина и Сталина по национальному вопросу вытекало и из ее неверной теории о накоплении капитала, единственным источником чего она считала некапиталистические аграрные, колониальные страны. Ее теоретическая установка такова: до тех пор будет сохраняться основная база для роста накопления капитала, пока колонии не будут индустриализованы на месте империалистами. Этот ошибочный взгляд был предметом широкого обсуждения и резкого осуждения. Ленин указывал ей на ошибки в выработанной ею теории «аккумуляции капитала». Во всех своих рассуждениях по этому вопросу Роза Люксембург далеко уходила от установок Ленина; для нее колонии только объект капитализма, никаких предположений о возможности некапиталистического пути разви-

тия отсталых стран она не допускала. Здесь она отошла и от взглядов Маркса на этот вопрос, взглядов, получивших более подробное развитие у Ленина.

Не останавливаясь подробно на этой теме, приведу лишь несколько доказательств своих утверждений. В своем труде «Накопление капитала», разбирая вопрос о воспроизводстве капитала и его среде, Роза Люксембург пишет: «Решение проблемы в духе марксова учения заключается в диалектическом противоречии, капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде, оно прогрессирует в постоянном обмене веществ, с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду» (стр. 376).

Тут перед нами такая трактовка: до тех пор, пока будут отсталые колониальные страны, существование капитализма прочно; имея необходимую среду, капитализм будет прогрессировать, выполнять, надо полагать, прогрессивную роль, поднимая отсталые страны на большую экономическую высоту, как это было в первоначальный период капитализма. В общем здесь перед нами теория равновесия т. Бухарина в развернутом виде. Такие установки далеко не соответствуют ленинским установкам об империализме, как эпохе загнивания капитализма, эпохе неравномерного развития капитализма. Эта теория Розы Люксембург является также известной базой и для теории деколонизации. Достаточно известно, что эта теория фактически подрывает размах колониальных революций и играет на руку угнетателям колоний.

Почти одновременно с Лениным, написавшим брошюру «Империализм, как новейший этап капитализма», в 1915 году Роза Люксембург пишет: «...Империализм в целом, уже по всеобщему эмпирическому признанию, является не чем иным, как специфическим методом накопления.. Как бы ни определяли внутренние экономические движущие силы империализма, во всяком случае ясно и общепризнано одно: его сущность состоит именно в распространении господства капитала из старых капиталистических стран на новые области и в хозяйственной и в политической конкурентной борьбе этих стран из-за подобных областей»^{*}

Из этого определения Розой Люксембург империализма совершенно очевидно, что она не понимала всей сущности империализма, его роли и значения в колониальных странах и в связи с этим не понимала роли и значения колониальных революций и их места в международной пролетарской революции. Это и есть крупнейшая ошибка, допущенная ею в национальном вопросе.

Роза Люксембург видит в империализме только конкуренцию и специфический метод накопления, но не видит самого главного — превращения конкуренции в монополию. Имеется ги-

^{*} «Накопление капитала», стр. 560, 561.

гантский процесс развертывания производства, процесс технических изобретений и усовершенствований, а присвоение остается в старой частной форме; возникает господство финансовой олигархии, идет раздел мира между союзами капиталистов великих держав, получается «своеобразная эпоха всемирно-колониальной политики» при господстве монополистических союзов крупнейших предпринимателей.

В этой обстановке колониальная политика получает и новые разнообразные формы, распространяясь от колоний на полуколонии и зависимые страны, находящиеся под игом империализма; значение этого момента для мировой революции все больше возрастает и делается решающим. Эти установки вытекают у Ленина из его определения, что «империализм есть монополистическая стадия капитализма», при чем капитализм загнивающего.

Приведенное мною определение империализма Розой Люксембург близко к определению империализма Каутским: «Империализм есть продукт высоко-развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленности капиталистической нации присоединить к себе или подчинить все большие аграрные области, без отношения к тому, какими нациями они населены». Ленин указал, что это определение Каутского совершенно неправильно, ибо оно только выделяет национальный вопрос, неверно связывая его при этом лишь с промышленным капиталом и аннексией именно аграрных областей. У Розы Люксембург есть известная общность с Каутским—она также не видит в империализме новой стадии загнивающего капитализма, утверждая, что его сущность состоит в распространении господства капитала из старых капиталистических стран на новые области, в хозяйственной и политической конкурентной борьбе этих стран из-за подобных областей.

Указание Розы Люксембург на то, что речь идет о распространении капитала из старых капиталистических стран на новые области, также показывает, что она или не поняла сущности империализма или, скорее, понимает его в духе Каутского, что речь идет лишь о странах отсталых в промышленном отношении. Между тем захват Бельгии или Лотарингии никак не подходит под это определение империализма а империалисты протягивают руки ко всяким землям, без различия.

Ошибочное понимание империализма логически приводит к недоучету крайне обостренных противоречий, создавшихся на почве империализма, к недоиспользованию этих противоречий для успеха революции, в частности ведет к забвению значения национально-колониального движения, как огромного резерва сил мировой революции.

Из механической теории Розы Люксембург о процессе капиталистического развития, связанной в свою очередь с ее теорией экономического фатализма, о чем мы уже говорили, легко сделать

вывод об органическом вращении капитализма в социализм, так как скачков у нее нет.

Программа Коминтерна констатирует: «Империализм со стихийной силой вскрывает и углубляет все противоречия капиталистического общества, доводит до крайнего предела классовый гнет, обостряет до исключительного напряжения борьбу между капиталистическими государствами, вызывая неизбежность империалистических войн мирового размаха». Период империализма характеризуется этой программой: «периодом скачкообразного и конфликтного развития капитализма... когда... колониальные земли оказались все поделенными и когда борьба за новый передел колоний и сфер влияния неизбежно начала принимать в первую очередь форму вооруженной борьбы». Все это еще более рельефно подчеркивает неправильное понимание Розой Люксембург империализма, как последнего этапа капитализма, и ее ленинское понимание колониального вопроса.

Как я уже упомянул выше, люксембургянцы недоучитывали возможностей некапиталистического пути развития отсталых национальностей при помощи победившего пролетариата передовых стран. Социал-демократы говорили нам: «У нас европейский социализм; у вас азиатский; нам ваш социализм не подходит», намекая особенно на народы Азии СССР. Эти заявления вытекали из непонимания того, что при изменившейся обстановке трудящиеся разных национальностей, разных ступеней экономического и культурного развития могут при помощи пролетариата передовых стран сокращенным революционным путем прийти к социализму. Именно в этом и есть то новое, что создал победивший пролетариат. Пролетариат помогает отсталым народам не только материально, но помогает им и идеологически; он помогает им перевоспитаться, помогает их отсталому хозяйству быстрее перестраиваться, переходить на новые рельсы.

Капитализм должен был затратить много десятков лет для того, чтобы перейти с одной ступени развития на другую, а мы видим сейчас, что такая отсталая страна, как Средняя Азия, где в основе хозяйства лежал первобытный способ производства, где женщины ходили под покрывалом затворниц, где мулла пользовался громадным авторитетом, при помощи пролетариата СССР в короткое историческое время сумела создать у себя крупнейшие очаги промышленности, создать из местного населения пролетариат, коренным образом реконструировать сельское хозяйство на социалистической основе, в огромной степени использовать сырьевую базу, обеспечив себе таким образом переход из аграрно-отсталой в индустриально-аграрную страну. Там создается новая национальная по форме и социалистическая по содержанию культура, имеется многочисленная коммунистическая партия, комсомол.

ЛЮКСЕМБУРГИАНЦЫ ПРОТИВ ЛОЗУНГА „ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ВПЛОТЬ ДО ОТДЕЛЕНИЯ“

Разберем теперь важнейшее из разногласий между Розой Люксембург и Лениным — вопрос о признании лозунга «Право наций на самоопределение», вопрос, из-за разногласий по которому ПСД фактически не вошла в нашу партию на II съезде.

Сначала маленькая историческая справка. Известно, что между ПСД и ППС велась чрезвычайно упорная и жестокая борьба. Польские социал-демократы имеют ту заслугу, что они создали в Польше подлинно марксистскую, подлинно революционную партию. В отличие от ППС они настаивали на необходимости единства действий русских и польских рабочих, они были за объединение сил пролетариата Польши и России, они были за **единство действий против капитализма, против самодержавия**. Однако оказалось, что в связи с этим они перегнули палку в сторону игнорирования национального вопроса: в то время как вопрос этот в Польше являлся самым сильным и жгучим, они основным и единственным моментом в своей борьбе выставляли лишь классовые противоречия.]

Как же случилось, что та самая партия, которая так добивалась единства с русскими рабочими, на II съезде не вошла в партию и с начала революции 1905 года до объединенного съезда ПСД оставалась вне рядов РСДРП?

Объясняется это тем, что ПСД удерживал неправильно поставленный национальный вопрос: с одной стороны у них была недооценка национального вопроса у себя, в Польше, за что Ленин критиковал их, с другой стороны была боязнь постановки развешенного общего разрешения национального вопроса. Установка нашей партии о праве наций на самоопределение в корне расходилась с их установкой, что привело их к непониманию задачи интернационального единства действий пролетариата, в результате чего они остались вне рядов РСДРП. Национальный момент оказался для них сильнее всех остальных,

Товарищи бывшие ПСД, теперешние члены КПП, осознав эту ошибку, не однократно критиковали ее с исчерпывающей ясностью.

В чем же заключались корни их ошибочного понимания национального вопроса? Прежде всего, о чем я уже говорил, в непонимании роли крестьянства в революции и роли пролетариата по отношению к крестьянству. Это у них вытекало из их общих механистических установок. Они ставили вопрос приблизительно таким образом: как мы можем рассчитывать на крестьянина, когда каждый крестьянин старается вызвать и поддержать аграрную революцию только для того, чтобы получить себе максимум земли для увеличения своей мелкой собственности? Должны ли мы помогать этому мелкому собственнику, который не заинтересован в социализме? У люксембургянцев в крестьянском вопросе вопрос о мелкой собственности совершенно заслонял то, что тот самый крестьянин, который хочет получить землю, должен разбить помещика и капиталиста и бороться против кулака. Иначе говоря, у пролетария и крестьянина есть общие враги, и в борьбе против них крестьянина нужно сделать союзником пролетариата, используя на определенном этапе его боевые интересы, а затем втянуть его в дальнейшую борьбу за социализм, который также соответствует интересам его подавляющего большинства.

Я теперь хочу остановиться на увязке национального вопроса с крестьянским. Как указал т. Сталин, национальный вопрос — по сути дела крестьянский вопрос, хотя он значительно шире последнего. Поскольку люксембургянцы не понимали роли крестьянства как союзника пролетариата в борьбе за пролетарскую революцию, постольку они игнорировали и национальный вопрос.

Люксембургянцы находились в большом затруднении, как использовать национальный вопрос в интересах революции, так как не знали, как можно отгородить пролетариат от влияния национально угнетенных буржуазных элементов, которые также за поддержку национального движения. Из дискуссии с товарищами из ПСД еще в революцию 1905 г. мне помнятся их возражения: выступление рабочего буржуа не поддержит, выступление бунтующего крестьянина помещик не поддержит, а вот требование национальной независимости поддержит и буржуа-националист, при чем легко обманет рабочего и собьет его с классовых позиций. Тогда мы, члены РСДРП, указывали ПСД на непонимание ими того факта, что рабочий выставит требование независимости своей нации рядом с требованием 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты с требованием диктатуры пролетариата и крестьянства; этих требований буржуа-националист не поддерживает, и тут рабочему будет нетрудно раскусить классовую сущность его стремлений и отгородиться от них. Если же на почве национальных требований можно перетянуть на сторону проле-

тариата трудящихся угнетенных национальностей и включить их в борьбу за пролетарскую революцию, то это наш долг, наша прямая задача. Обычно в таких случаях ПСД обвиняла нас в национализме, вернее в пособничестве ППС и даже Бунду. Но следует отметить, что в Северо-Западном крае, где мы работали рядом с СДП и Л, польские рабочие больше вступали в ряды нашей партии, не имея возражений против ее программы по национальному вопросу. Помню, как иногда в дискуссиях по этому вопросу они выступали против интеллигентов из ПСД в Вильне.

Ошибочные позиции люксембургянцев по национальному вопросу сильно затрудняли им борьбу с ППС, давая последней возможность выставлять ПСД, как антинациональную партию и чуть ли не как агентуру русификации Польши. Клеветнические выступления ППС по этому вопросу было не так просто разоблачить перед отсталыми массами, особенно во время подполья, когда доступ к массам был очень затруднен.

А ППС в то же время ратовала за национальное освобождение Польши. Но что означало национальное освобождение Польши по ППС? Это означало, что ППС хотела строить новое классовое польское государство и утверждала, что за это стоит не только польский буржуа и крестьянин, но и польский рабочий. Она агитировала за это в массах, раздувая националистические настроения и широко используя стремление масс к освобождению Польши. ПСС совершенно игнорировала классовые моменты в борьбе за восстановление Польши, в то время, когда для нас национальный вопрос является подчиненным классовому, только на этих позициях надо бы вести борьбу с ППС. Правда, далеко не вся польская буржуазия и крестьянство, а тем более рабочие стояли за отделение Польши от России, но ненависть к русским была очень сильна, и с этим следовало бы считаться ПСД в своей агитации.

ОТНОШЕНИЕ ПСД К ЛОЗУНГУ О НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

/ ПСД могла использовать национальный момент, но для этого надо было отрешиться от «узко-краховских» позиций, как говорил Ленин, и суметь охватить вопрос всесторонне, разоблачить отрицательные моменты национального вопроса, бороться с ними, указывая в то же время на положительную политическую сторону вопроса. Необходимо было широко разъяснить массам, что для национального освобождения надо совершить революцию вместе с польским и русским пролетариатом и, свергнув самодержавие, положить конец государству помещиков, капиталистов и всех тех, кто проводит великодержавную политику. На этой почве, организовав совместную борьбу пролетариата, крестьянства и других элементов (тут вместе с пролетариатом могла пойти и мелкая буржуазия), развернуть борьбу за перерастание демократической революции в социалистическую, которая полностью разрешает национальный вопрос на основе самоопределения.

Этот путь облегчил бы ПСД разоблачение контрреволюционной сущности ППС, которая по-существу являлась мелкобуржуазной, националистической партией и готова была пойти за любым империалистом. Насквозь пропитанная авантюризмом, она все сводила к тому, чтобы какой угодно ценой добиться самостоятельности Польши. Для нее существовала только одна задача — ослабить и подорвать военную мощь России. Эта установка ППС полностью совпадала с ее трактовкой национального вопроса, которая была насыщена общим русофобством. ПСД, ведя борьбу против такого ультранационализма, к сожалению, ударилась в другую крайность, выступая против признания лозунга права наций на самоопределение.

ППС прекрасно использовала эту ошибку ПСД, распуская клевету о том, что ПСД по существу является принципиальным противником независимой Польши, что она против освобождения Польши, что она агент идеологов господства России.

С другой стороны, отрицая самоопределение наций, ПСД без сомнения дала воду на мельницу великодержавного русского национализма.

Отрицательное отношение ПСД к лозунгу права наций на самоопределение, особенно в условиях Польши, было глубоко ошибочным, оппортунистическим. Надо иметь в виду, что Роза Люксембург никогда не высказывалась за то, что Польша вообще не имеет права на независимость, как это некоторые ей приписывают, — такой взгляд был бы антидемократическим, великодержавным. По установкам ПСД борьба за независимость была утопией и кроме того экономическое развитие Польши требовало будто бы ее оставления в составе тех государств, где она находилась; это в первую очередь относилось к русской Польше.

Люксембургианцы подтверждали это непоорудственной и крепкой связью польской промышленности с русским рынком. Они считали эту связь решающим фактором, стоящим выше всяких других соображений, от подчиненности которому нельзя отказать по самым важным политическим причинам.

Здесь ярко сказались механистические взгляды люксембургианцев, непонимание ими диалектики вопроса. Они механистически сливали польские господствующие классы с русскими, игнорируя их национальный антагонизм, который, как известно, отступал перед вопросами экономики, капиталистической прибыли, но не всегда. Такие моменты требуют от серьезной политической партии пристального внимания. А руководители ПСД по этому вопросу придерживались противоположного мнения.

Вот что писал т. Мархлевский («Очерки истории Польши», стр. 231): «Для польской промышленной буржуазии это отождествление ее интересов с интересами русской буржуазии означало полнейшее заражение ее идеями русского империализма. Конечно, между русскими и польскими фабрикантами возникали трения. По отношению, например, к таможенной политике или к железнодорожным тарифам их интересы часто расходились, и польские промышленники и купцы нередко жаловались на затруднительность сбыта их товара в Россию, а московские фабриканты яростно вопили о губительном влиянии лодзинских цен на русскую промышленность. По существу же это был «семейный спор», какой нередко можно наблюдать в любом государстве между различными группами буржуазии. Зато польские буржуа не менее русских были заинтересованы в усилении царской империи, ибо всякое усиление последней означало расширение поля деятельности капитализма, а стало быть и увеличение прибыли. И поэтому не могло быть речи о серьезной оппозиции чужому государству, не говоря уже о национальном восстании против него. Господ-

ствующий класс Польши великолепно приспособился к русскому владычеству». Жизнь опровергла эту установку.

На апрельской конференции 1917 г. по национальному вопросу, выступая против доклада т. Сталина, т. Пятаков заявил, что он стоит на позиции революционной части немецкой социал-демократии, польской социал-демократии и др., т.-е. всех тех, которые стояли на позициях люксембургизма в национальном вопросе. Он утверждал, что в настоящее время мы имеем эпоху мирового хозяйства, установившую неразрывную связь между всеми нациями, поэтому с чисто хозяйственно-экономической точки зрения независимость наций является моментом устарелым, невозможным, отжившим. Требование независимости взято из другой исторической эпохи, оно реакционно, ибо хочет повернуть историю вспять.

В этом заявлении мы имеем яркое выражение той позиции, которую Ленин охарактеризовал как «экономический империализм», карикатуру на марксизм.

Ленин никогда не игнорировал значения экономических факторов и по национальному вопросу; он писал: «Широкое и быстрое развитие производительных сил капитализма требует больших, государственно-сплоченных и объединенных территорий, на которых только и может сплотиться, уничтожая все старые, средневековые, сословные, узкоместные, мелконациональные, вероисповедные и прочие перегородки, класс буржуазии, а в вместе с ним и его неизбежный антипод — класс пролетариев». Я бы мог вам привести ряд утверждений Ленина о том, что централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и в то же время Ленин на VIII съезде говорил: «Мне кажется, что этот пример относительно Финляндии, так и относительно башир показывает, что в национальном вопросе нельзя рассуждать так, что нужно во что бы то ни стало хозяйственное единство. Конечно, нужно. Но мы должны добиваться его проповедью, агитацией, добровольным союзом». Ленин при этом допускает, что это может быть длительным процессом. На этом примере отчетливо видно, какая громадная разница существует в установках между ленинизмом и люксембургизмом в оценке роли и значения чистого экономического фактора при разрешении национального вопроса.

Роза Люксембург пытается дискредитировать лозунг о праве наций на самоопределение доказательствами его неосуществимости, так как его придется применять ко всем народам мира, к колониальным народам, а это — реакционно. Говоря о праве наций на самоопределение, она указывает, что «в понимании социалистов это право неизбежно должно иметь мировой характер. Уже одно сознание этого достаточно для того, чтобы пока-

зять, что надежда на осуществление этого «права» в рамках существующего строя является утопией. Эта утопия находится в прямом противоречии с тенденциями капиталистического развития, на которых социал-демократия обосновала свое существование, ибо всеобщий возврат к перераспределению всех существующих государств на национальные единицы и перекраивание их по образцу больших и маленьких национальных государств является предприятием совершенно безнадежным и с исторической точки зрения — реакционным»^{*}.

В общем мы имеем здесь совершенно явную смычку со взглядом Мартова по этому вопросу. Его взгляд достаточно ясно выражен в меньшевистском органе «Наш голос» (№ 17) в статье «Что следует из «права на национальное самоопределение». Он писал: «В сфере международного господство капиталистических отношений ведет к тому, что перерастание хозяйством государственных рамок совершается путем жестокой борьбы между государствами, путем поглощения слабых наций сильными. Наступление империалистической стадии развития мирового капитализма, экономически характеризующееся полным господством финансового капитала над промышленным и торговым, остановило, не дав ему закончиться, процесс формирования национальных государств, основанных на торжестве права национального самоопределения». Тут у Мартова на ряду с верной мыслью об угнетательской роли империализма по отношению к национальностям и особыми трудностями по образованию новых нацгосударств имеется люксембургская установка, что формирование новых национальных государств остановилось и никаких новых пограничных столбов больше нельзя поставить. Жизнь все это опровергла до основания.

Между прочим надо отметить, что Мартов, критикуя немецких левых, все же не совсем согласен с ними. В то же время, исходя из правых позиций, он совершенно не затронул Каутского, который уже тогда имел крупные оппортунистические ошибки в этом вопросе. Каутский сводил национальную самостоятельность к ограниченным автономным правам, предоставляемым угнетенной нации в рамках общего государства, утверждая, что «требовать для каждого народа государственной самостоятельности значило бы несомненно требовать чрезмерного».

^{*} «Ленинский сборник», № 17, стр. 250.

ЛОЗУНГ О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НА ЛОНДОНСКОМ КОНГРЕССЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Очень интересно отметить, что первоначальным источником лозунга партии: «Право наций на самоопределение», явилось постановление лондонского конгресса Интернационала 1896 г., специально выдвинутое в связи с судьбою Польши, при чем впоследствии как раз польские социал-демократы оказались во главе выступавших против этого лозунга. Я коротко расскажу об этом.

Во время дискуссии накануне конгресса 1896 г. социал-патристы Польши, ГПС, выдвинули предложение, чтобы международный социалистический конгресс бросил лозунг об отделении Польши от России, мотивируя это тем, что Россия в революционном отношении страна отсталая, а Польша передовая. Интернационал не согласился с этим (в то время уже имела место знаменитая майская стачка (1896 г.) петербургских текстильщиков). Конгресс под влиянием ПСД объявил, что он «стоит за полное право самоопределения всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, национального или другого абсолютизма». Казалось бы, ПСД должна была стать в ряды защитников этого лозунга, появившегося по ее инициативе. Но на деле оказалось не так.

ПСД не серьезно отнеслась к этому постановлению лондонского конгресса, утверждая, что «в рядах международного социализма русская рабочая партия является единственной партией, имеющей в своей программе требование «права наций на самоопределение», при чем Роза Люксембург указывала, что эта формула «вовсе не является чем-либо специфическим», не связана ни с социализмом, ни с рабочей политикой».

В Коминтерне, в первые годы его существования, Пауль Леви и Сerratи, как известно, резко критиковали взгляды Ленина на национальный вопрос, придерживаясь люксембургских по-

аний. И теперь соратники Леви продолжают свою контрреволюционную деятельность, используя имя Розы Люксембург.

Весьма характерно, что антиленинские ошибки в национальном вопросе встречаются у тех, кто вообще не усвоил ленинского учения, кто так же, как ПСД, пытается стать большевиками, не оторвавшись от реформистской социал-демократической пуповины. Здесь я имею в виду финскую социал-демократию; этот пример поучителен.

Товарищи из КПФ, подводя итоги революции 1918 г. в Финляндии, которая была затоплена потоками крови рабочего класса этой страны, пришли к заключению, что одной из главных причин поражения революции в Финляндии явилось отсутствие большевистской партии, которая могла бы идеологически и организационно подготовить пролетариат к захвату власти рабочим классом и к установлению диктатуры пролетариата.

Вот как резко охарактеризовал этот период т. Куусинен: «Мы, социал-демократы, поддались очарованию фатаморганы демократизма и решили стремиться к социализму путем парламентской борьбы... Мы надеялись на этом пути избежать социалистической революции и обойти переходную ступень от капитализма к социализму — диктатуру пролетариата, которая являлась неизбежным этапом исторического развития».

Непризнание переходного периода было также свойственно люксембургизму. Стремление финского народа к политическому самоопределению было использовано врагами пролетариата, а сам пролетариат не сумел возглавить это стремление. В Финляндии не были организованы советы; вместо советов были суррогаты из представителей рабочих организаций, а не самих рабочих. Это тоже напоминает люксембургизмское отрицательное отношение к советам и установку на межпартийные федеративные комитеты, что раньше имелось в практике Польши. Кроме того о крестьянских советах в Финляндии вообще не подумали. Пролетариат, не способный руководить движением, выпустил власть из рук. Революционная ситуация была упущена.

В вопросе о самостоятельности Финляндии старая финская социал-демократия поддавалась местному социал-патриотизму. Сама по себе правильная борьба финского народа за самоопределение, против царизма и Керенского понималась социал-демократами не с точки зрения пролетарской борьбы, а чуть ли не целиком под углом зрения демократического принципа самоопределения.

Социал-демократия хотела освободить финский народ от опеки российской буржуазии, но сама впала в национальную ограниченность и некоторым образом изолировала себя от русской революции. Она воспользовалась помощью большевиков в борьбе за национальное самоопределение, но не уяснила себе всего значения этой борьбы, не поняла, что пролетариат угнетенной национальности не должен скатываться к шовинизму. Финлянд-

ские левые социал-демократы, являясь примиренцами по отношению к откровенным реформистам, не разоблачили мелкобуржуазный социал-патриотизм. В итоге они так же, как и люксембургянцы, хотя и с разных полюсов, не сумели правильно подойти к разрешению национального вопроса в интересах пролетарской революции. Я все это передаю из их же источников.

Но финским товарищам их ошибки в национальном вопросе более простительны, чем ПСД, так как они не были знакомы с большевистскими установками, находясь в исключительной обстановке: редко кто из финских рабочих знал русский язык, интеллигенция читала главным образом по-немецки, переводов большевистской литературы не было.

А ПСД, вернее ее руководители, были в курсе того, как эти вопросы ставились большевиками. Все статьи, все выступления Ленина по национальному вопросу были хорошо известны руководству ПСД. Поэтому бесспорно сознательной ошибкой со стороны ПСД было ее упорное сопротивление в этом вопросе, продолжавшееся фактически до II съезда КПП (1923 г.), на котором были приняты ленинские установки по национальному вопросу.

При этом надо учесть и то, что растущее влияние большевизма на польский пролетариат встречало большие препятствия в том отношении, что большевистской работы среди польского пролетариата не было, всю работу на польском языке вела ПСД, при чем основные работы Ленина и Сталина были переведены на польский язык и изданы сравнительно не так давно.

Как мы уже отметили, компартия Польши официально отказалась от люксембургянских взглядов по национальному и крестьянскому вопросам только на своем II съезде в 1923 г., а люксембургянство было признано ошибочной системой взглядов только на V съезде КПП, который довел до конца ревизию люксембургянства в духе ленинских установок по основным проблемам революции.

Основная рабочая масса в Польше не знала, как работает большевистская партия, не читала Ленина в подлиннике. Им трудно было найти русскую нелегальную партийную литературу. Известно, что в былые времена даже не всякий член нашей партии мог достать наши нелегальные издания. Если бы идеи Ленина по национальному вопросу были достаточно распространены в самой Польше, я уверен, что мы могли бы иметь значительную часть польских рабочих из ПСД — если не всех — на нашей стороне; и эти рабочие выступили бы против неправильных установок своих зараженных люксембургянством руководителей, которые преподносили им Ленина чаще всего в искаженном виде. Ведь политический здравый смысл, правда были на нашей стороне.

ПСД должна была понять, что главная опасность в национальном вопросе в условиях российской действительности (ПСД в других частях Польши не была оформленной, особой организа-

цией и «крупного значения не имела. Там польские рабочие входили в общие партийные организации, тогда как в русской части Польши они имели особое значение) заключалась в великодержавной политике самодержавия. Великороссы в России составляли 43% населения, а остальные нации 57%. Значит тут меньшинство господствовало над большинством, при чем это господство осуществлялось не только при помощи свирепого кнута, но и путем идеологического воздействия на остальные массы. Самодержавие имело огромный аппарат агитации и пропаганды, имело громадную, хорошо оплачиваемую прессу не только откровенную, великодержавную и черносотенную, но и либеральных подголосков великодержавности, имело специальный штат духовенства, жандармов, шпионов, профессоров и проч., которые всячески старались навязывать широким слоям населения идеологию великодержавности, при чем иногда это им удавалось в той или иной степени.

Наша интернационалистическая агитация была ограничена условиями нашей нелегальной партии. Националисты среди угнетенных наций широко использовали нажим великодержавников для проповеди местного национализма. Когда организовали из русского крестьянства колонизаторов Средней Азии и других национальных областей, переселенцам старались доказать, что исторически именно великороссы имеют право на господство. Но, конечно, идеологическая пропаганда великодержавной идеологии не была главным способом воздействия: на одном этом далеко не уедешь. «Обаяние наших предков» поддерживалось не только завоевательными лозунгами великороссийского национализма, но главным образом нагайками, ружьями, пулеметами и пушками. В то же время самодержавие прикрывало насилие над национальными окраинами видимостью идеологии. Когда надо было заставить солдат и крестьян-переселенцев воевать не за свое кровное дело, а в интересах русского империализма, то для обмена масс использовались религиозные и националистические предрассудки.

Известно, что еврейские погромы, организованные царизмом во время революции 1905 года, ослабляли в некоторых районах революционное движение, что царскую армию воспитывали во вражде к «иногородцам».

Всего этого не могли не видеть и не понимать наши товарищи из ПСД. Ясно, что главной опасностью для революционного движения России в целом был не местный национализм, а великодержавный шовинизм. Отказ от лозунга «право наций на самоопределение» означал, что центр тяжести в борьбе партии с национализмом перенесен был на борьбу с местным национализмом.

РОЛЬ ДЕЛЕГАЦИИ ПСД НА II СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

Считаю необходимым вернуться назад и остановиться здесь подробнее на роли польской делегации на II съезде нашей партии, пользуясь заявлением представителей СДП и Л на II съезде партии и статьей т. Варского, осветившей этот вопрос в журнале «Коммунистический Интернационал» за апрель 1929 г. Надо иметь в виду, что хотя Роза Люксембург и не была на II съезде партии, но вся деятельность делегации ПСД (т.т. Варский и Ганецкий) была целиком согласована с нею, так же, как и содержание их речей на съезде и декларация, внесенная в бюро II съезда. Это дает нам право рассматривать деятельность делегации ПСД на этом съезде как совпадающую со взглядами Розы Люксембург.

IV съезд ПСД принял по вопросу об объединении с РСДРП подробную резолюцию, содержащую ряд пунктов как ультимативного характера, так и условно-желательного. Вот три обязательных пункта: а) «Совершенная самостоятельность польской социал-демократии во всех делах внутренних, касающихся агитации и организации в царстве Польском и на Литве; собственные съезды, комитеты и литература»; б) «Польская социал-демократия сохраняет, как подзаголовок, свое теперешнее название: «Социал-демократия Польши и Литвы»; в) «Другие польские социал-демократические организации могут входить в состав общей для всего государства партии только путем присоединения к социал-демократии Польши и Литвы».

Мы видим, что IV съезд ПСД не поставил вопроса о программе по национальному вопросу в ультимативной форме. Только в качестве пожелания было принято такое решение: «Замена формулировки § 7 программы российской партии точной формулировкой, исключающей интерпретации в националистическом духе», и еще в таком же порядке выставлялось: «Требование автономии для царства Польского и Литвы».

Как известно, основные требования ПСД для вхождения в партию не встретили возражений со стороны II съезда партии, но как раз условное требование об изменении 7 пункта (затем он стал 9-м) программы партии оказалось на деле ультимативным, и ПСД на этом съезде в нашу партию не вступила. Почему

именно так вышло? Как выяснилось на съезде, это было связано с тем толкованием, которое Ленин дал лозунгу партии о праве наций на самоопределение, к чему я сейчас подойду.

Съезд не обсуждал целиком всех требований ПСД. Среди этих требований были пункты, которые естественно вытекали из принципа партии о демократическом централизме, в особенности в отношении к областным организациям с серьезными национальными особенностями, как Польша, Закавказье и др. Требование, «чтобы в состав редакции центрального органа вошел член польской организации, который совместно с остальными членами редакции руководил бы центральным органом в вопросах, касающихся польских дел, партийных и общественных», также было приемлемо. Мы, знаем, что в следующие годы это имело место в практике нашей партии. Могло вызвать известную дискуссию требование: «Принятие резолюции, выражающей отношение РСДРП к польскому социал-патриотизму в духе социал-демократии Польши и Литвы». II съезд стоял за осуждение ППС в самой резкой форме, но было маловероятно, что это осуждение будет целиком в духе ПСД, ибо съезд РСДРП не мог подтвердить, что для Польши достаточно автономия и что нет необходимости требовать независимости.

Вернемся к вопросу о том, почему пункт по национальному вопросу из условного стал у ПСД ультимативным. В № 33 «Искры» была напечатана ленинская статья (без подписи) по поводу манифеста армянских социал-демократов под заголовком «О манифесте армянских социал-демократов». Эту статью, как интерпретацию лозунга о праве наций на самоопределение, имел перед собою IV съезд ПСД. Вожди ПСД поняли эту статью по-своему, и IV съезд ПСД решил, что можно мириться с установками искровцев по национальному вопросу. В этой статье имеются, например, такие места: «Не дело пролетариата выставлять подобные требования, неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное классовое государство», или: «Требование признания права на самоопределение за каждой национальностью означает само по себе лишь то, что мы, партия пролетариата, должны быть всегда и безусловно против всякой попытки насилия или несправедливостью влиять извне на народное самоопределение. Исполняя всегда этот свой отрицательный долг (борьбы и протеста против насилия), мы сами со своей стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности» *

Надо иметь в виду, что Ленин это говорил в связи с армянской социал-демократией, где дело обстояло совершенно иначе, чем в Польше. Но ПСД предполагала, что в «Искры» вообще имеется только негативный подход при выдвижении лозунга о праве наций на самоопределение, что «Искра» не допускает вообще со-

* Ленин, с т. V, стр. 243.

здания новых государств в наше время, а только считает необходимым борьбу против насилия над национальностями. Такое толкование было неверно. Из приведенных выше слов Ленина вытекает только то, что пролетариат безусловно поддерживает не всякое конкретное требование самоопределения. Может случиться, что при той или иной обстановке пролетарская партия не будет поддерживать такое требование, исходя из собственных интересов пролетариата (которые стоят выше национальных). Не всякое образование нового классового государства поддерживает пролетариат.

Когда в связи с этой статьей Ленина в «Искре» выступил с резкой критикой орган ППС «Przedświt» и приписал автору такую мысль, что будто «рабочему нет дела ни то чего кроме совершенного уничтожения капитализма, так как, мол, язык национальность, культура и т. п. суть только буржуазные вымыслы», тогда Ленин дал развернутое представление о нашей программе в национальном вопросе.

На ряду с указанием, что «не всякое национальное угнетение и не всегда вызывает законное, с точки зрения демократии и пролетариата, стремление к независимости», Ленин специально в отношении Польши писал следующее: «Несомненно, что восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости и т. д. И русская социал-демократия несколько не свызывает себе рук. Она считается со всеми возможными, даже со всеми вообще мыслимыми комбинациями, когда выставляет в своей программе признание права на самоопределение наций. Эта программа несколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществления этого до социализма была совершенно ничтожна»^{*}.

Эти довольно точные указания Ленина, совершенно ясно расходившиеся со всеми пристрастными установками ПСД по национальному вопросу в Польше, привели к тому, что на II съезде партии делегация ПСД пункт программы по национальному вопросу РСДРП считала для себя совершенно неприемлемым и ультимативно требовала его удаления или изменения.

Что же выставляла польская делегация взамен пункта программы о праве наций на самоопределение? Она выдвинула программу, почти совпадающую с национальной программой Бунда, и предложила включить в программу партии пункт об учреждениях, гарантирующих полную свободу культурного развития всех наций. Таким образом национальный вопрос в постановке ПСД сведен был к узко-культурному вопросу и потерял объем и размах, о которых говорили мы, большевики.

^{*} Ленин, соч., т. V, стр. 341.

Трудно согласиться с т. Варским, утверждающим теперь, что выдвинутое ПСД на II съезде партии программное требование: «Учреждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем национальностям, входящим в состав государства», не удовлетворило будто бы и самих авторов этого проекта; это можно заявлять теперь задним числом. Тов. Варскому, очевидно, это теперь понятно. Когда Ленин отождествил проект ПСД на II съезде с бундовской программой культурно-национальной автономии (а с Бундом ПСД жестоко боролась), то ПСД заявила, что ее предложение «исключает всяческие националистические комментарии». Но почему и как, это ничем нельзя доказать. Оговорка, что этот предложенный ПСД пункт программы имел в виду только Польшу и что смысл его сводится к требованию автономии Польши и Литвы, должна быть признана несостоятельной. Ведь делегация ПСД вносила этот пункт в проект программы для всей партии!

Тов. Варский неправ, желая теперь, уже в послеоктябрьский период, омазать значение этого момента при разборе ошибок люксембургизма. Мы имеем немало доказательств, что это не так. После II съезда 1903 г. мы находим в работах Розы Люксембург такие практовки в разрешении национального вопроса, где национальной культуре отводится главное место. Я хочу оговориться, что я не ставлю в один ряд Бунд и ПСД и не считаю, что ПСД была националистической партией. По этому поводу Ленин указал: «Если бы мы думали иначе, мы поставили бы на очередь дня не товарищескую дискуссию с социал-демократами Польши, а беспощадную борьбу с ними как шовинистами»*. Все-таки ПСД в связи с программным вопросом на II съезде допустила крупную ошибку.

Роза Люксембург в своей статье «Право наций на самоопределение и пролетариат» пишет: «...Из трех корней современной национальной идеи, перечисленных Каутским, с точки зрения пролетариата, как класса, подлинно важны только два последних:

* Ленин, соч., т. XIX, стр. 189.

демократический порядок и народное просвещение. Необходимые условия политической и духовной зрелости рабочего класса — это свобода родного языка, беспрепятственное и неискаженное развитие национальной культуры — науки, литературы, искусства, нормальная и несфальсифицированная национальным гнетом народная школа, по крайней мере постольку, поскольку она может быть нормальной в буржуазном строе». Роза Люксембург, понятно, защищает необходимость для пролетариата национального равноправия, иначе национальная буржуазия поведет свой национальный пролетариат за собой, но зато она совершенно отрицает третий корень — «национальной идеи», связанной с политико-экономической строной разрешения нацвопроса. Из приведенного небольшого отрывка явствует, что в разрешении нацвопроса вопросы культуры стоят у Розы Люксембург на первом месте. Здесь их линия совпадает с линией Бунда, хотя ПСД всегда старательно отторгается от него.

При отрицании права на самоопределение вслей-неволей приходится свести нацвопрос к вопросам культуры, а организационные формы, гарантирующие это культурное национальное развитие в той или иной форме, к национальным автономным органам. Это должен со всей ясностью понять т. Варский и не искать оправданий (даже теперь) в том, что сами авторы этого пункта программы остались им недовольны. Это тем паче неуместно, что Роза Люксембург в упомянутой статье прямо говорит, что пролетариату нужны «гражданское равноправие национальностей и политические учреждения, обеспечивающие национально-культурное развитие», — это есть дословное повторение предложения делегации ПСД на II съезде партии.

Такой видный представитель люксембургизма в прошлом как т. Радек, в сборнике своих статей «Германская революция» также утверждает, что «национальный вопрос был для пролетариата вопросом свободы культурного развития демократии». Это было написано сравнительно недавно, так что обвинение люксембургизма Лениным в том, что они в этом вопросе оказались в контакте с Бундом, вполне обосновано.

Тов. Варский весьма мягко говорит об этой крупнейшей ошибке ПСД: «Это формулировка только для Польши и Литвы означает территориальную, не бундовскую автономию. А для других национальностей? Повидимому, авторы этого проекта не имели здесь в виду демократической (?) автономии вообще, ибо в противном случае они должны были сказать это прямо. Следовательно конкретного разрешения эта формулировка не дала». По Варскому все дело сводится к тому — не было дано конкретного разрешения, не было достаточной ясности в вопросе и только. Тов. Варский закрывает глаза на то, что это абсолютно националистическое решение, и до сих пор не солидаризировался прямо с Лениным в этом вопросе, отделяясь только цитатами из него.

Мы и по другим вопросам находим у т. Варского критику люксембургизма с правых позиций, там, например, где он признает, например, что в ПСД не было почвы для большевизма. Вспоминается предложение т. Варского на IV съезде партии, что «необходимо и возможно примирение большевиков и меньшевиков «на средней линии», должно быть на полуменьшевизме, на люксембургизме. Тов. Варский утверждал, что «крестьянским вопросом особенно не занимались в ПСД, потому что он не был для нас срочным делом, непосредственно стоящим перед нами». Что «дальнейшее развитие капитализма «сделает из крестьянства и мелкой буржуазии вообще, это было делом далекого политического прогноза». («На идеологическом фронте», стр. 53). И здесь так же, как в вопросе о национально-культурной автономии, тов. Варский ссызывает основное: что дело не в том, что мало занимались крестьянским вопросом, а в полуменьшевистском подходе к этому вопросу, в отходе от ленинизма по такому кардинальному вопросу.

Попутно следует отметить, что известная часть КПП, особенно правые группы, отказываясь от люксембургизма в 1923 г., делала это не так решительно, как следовало бы. Критика люксембургизма была у них половинчатой.

Кроме того одновременно с отказом от люксембургизма не велась борьба с идеологическим наследием левизы ППС меньшевистского характера. Получался известный отход от позиции люксембургизма, и одновременно шло усиление правых элементов КПП. Как известно, эти элементы поддерживали Брандлера и Троцкого. С другой стороны ультралевое течение в КПП того времени, усиленно борозшееся против проведения критики люксембургизма в рядах КПП, также смыкалось известным образом с троцкизмом. Среди «левых» коммунистов в свое время тоже было немало люксембургианцев.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ ИСКАЖАЕТ УЧЕНИЕ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА

Известно, что Ленин тщательно изучил все написанное Марксом и Энгельсом—и в числе прочего вопросы национально-колониальные—и в своих трудах базировался на их идеях. Когда г. Сталин говорил о трудах Ленина по национальному вопросу, он указывал, что Ленин собрал воедино разбросанные идеи Маркса и Энгельса и создал стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху империализма.

На основе учения Маркса у Ленина получилась стройная выдержанная революционная теория, а у Розы Люксембург—путаная полуреформистская концепция. Это объясняется тем, что Роза Люксембург не считалась с духом марксизма, подходя к вопросу без достаточного учета особенностей того периода, к которому относятся те или иные высказывания основоположников марксизма. Ленин со всей тщательностью изучал каждое их утверждение, учитывая, в какой обстановке и при каких условиях была высказана та или иная мысль у Розы Люксембург. Бывает, что она проходит мимо Маркса, когда он против нее.

Из большого материала, имеющегося по этому вопросу, я приведу только пару иллюстраций. Для Розы Люксембург казалось неубедительным утверждение Маркса, что английские рабочие должны сделать пунжом своей программы разрыв Ирландии с Англией, несмотря на то, что между ними была очень тесная экономическая связь. Маркс оказался сторонником раздробления централизованного государства, а Роза Люксембург считает его для марксиста исключенным.

В то время как Роза Люксембург усиленно цитирует Маркса и Энгельса там, где они выступают против националистических установок, она проходит мимо известного письма Маркса о прениях в совете Интернационала. Там представители «молодой Франции» (не рабочие) выдвинули точку зрения, что всякая национальность и сама нация—устарелый предрассудок. Маркс это квалифицирует, как великодержавнические настроения, и указывает, что и объективно это выражает стремление крупных наций поглотить более слабые нации. Эти рассуждения Маркса быют прямо по национальной концепции Розы Люксембург.

Приведу вам отрывок мало известного письма Энгельса, над которым следовало бы задуматься люксембургянцам, которые так много цитируют Маркса и Энгельса—без учета места и времени — для подкрепления своих позиций. В 1892 году он писал В. Адлеру: «Сотрудничество с чехами есть политическая необходимость. Они живут в центре Германии. Мы связаны с ними, как они с нами, и мы всецело заинтересованы в том, чтобы не допустить того, чтобы тут возникло младочешско-русское панславистское гнездо. Правда, есть средства надолго с этим покончить, но лучше сделать так, как лучше. И если они смогут получить от нас все, что относится к национальной автономии на чешской земле, чего они желают и в чем нуждаются, то в этом нет никакой опасности (ты видишь, в этом отношении я действую, не обращая никакого внимания на временное политическое отделение от Германии)»*. Здесь Энгельс допускает отделение от Германии для разрешения национального вопроса чехов и не ставит на первое место, как Роза Люксембург, интересы централизма, столь необходимые тогда для развития экономики растущей Германии.

Роза Люксембург в своем отрицании самоопределения наций фактически отходит от Маркса в этом вопросе, смыкаясь известным образом с установками Лассалья, который был ярким немецким националистом. Вот ирония судьбы: Роза Люксембург всячески хотела усилить борьбу с национализмом, а на самом деле оказалась в одной компании с националистами, и это не случайно,—это исходит из ее ошибочной методологии.

Лассаль писал: «Нет, я не являюсь сторонником самоопределения наций. Свой взгляд на это я ясно высказал в моей брошюре об итальянской войне... Вы там найдете сформулированный мною взгляд, из которого вы увидите, что я признаю право на национальность лишь за большими культурными нациями..., но не за расами, право которых скорее состоит в том, чтобы быть ассимилированными и двигаться вперед при помощи культурных, сильных наций»**.

Как видите, Лассаль так же, как и Роза Люксембург отрицает самоопределение наций и разрешает быть самостоятельными только крупным нациям, которым нечего самоопределяться, ибо Лассаль имеет в виду нации государственные. Если еще к этому добавить, что Роза Люксембург признавала право на автономию только за большой культурной польской нацией, а не за малыми нациями России, то родство ее взглядов со взглядами Лассалья по данному вопросу становится еще более близким. Прав был Ленин, когда сказал: «Боясь «помочь» националистической буржуазии Польши, Роза Люксембург своим отрицанием права на отделение в программе российских марксистов помогает на деле черносотенцам-великороссам».

* «Письма», стр. 358.

** «Литературное наследство Лассалья», т. VI, стр. 339.

РАЗНОГЛАСИЯ В ВОПРОСАХ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЙНАХ

В моем освещении борьбы ленинизма с люксембургизмом нельзя обойти вопроса о революционно-национальных войнах, возможность которых отрицалась люксембургийцами. Они считали их невозможными в период империализма, связывая это с так называемой теорией «империалистического экономизма», о которой Ленин писал в 1916 г., что ее распространение «было бы серьезнейшим ударом по нашему направлению и нашей партии, ибо компрометировало бы ее изнутри, из ее собственных рядов, превращало бы ее в представительницу карикатурного марксизма».* Это утверждение Ленина имело в виду тогдашних наших «левых» люксембургийцев внутри большевистского лагеря: Пятакова, Бухарина и других.

Тов. Пятаков в 1916 году утверждал, что совершенно невозможно одновременно быть против защиты отечества и за право наций на самоопределение. Из его мнения логически вытекало, что Ленин должен быть (вместе с партией, которая проводила ленинскую линию в национальном вопросе) в лагере социал-патриотов. Ленин в свое время терпеливо разъяснил т. Пятакову, что в империалистической войне фразы о защите отечества есть обман народа и ничего общего с правом на самоопределение не имеют, но в действительной национальной войне слова «защита отечества» «вовсе не обман и мы вовсе не против нее».

Роза Люксембург довольно рьяно выступала в том же 1916 г. против приведенного выше утверждения Ленина, солидаризируясь с Каутским, который писал об этом периоде в своей брошюре «Патриотизм и социал-демократия», что при наших условиях «нигде нельзя ожидать войны, защищающей свою национальную свободу, в которой соединились бы пролетарский и буржуазный патриотизм» (стр. 16). Роза Люксембург добавила к этому, говоря об исторической обстановке современного империализма: «Эта обстановка такова, что она делает совершенно невозможными в настоящее время исключительно оборонительные войны».

* Ленин, соч., т. XIII, стр. 340.

Этим совершенно отрицаются оборонительные войны угнетенных национальностей против империалистов, что вполне совпадает с точкой зрения Троцкого о невозможности национально-колониальных войн при империализме. Подобные мысли мы находим и у Мархлевского в его «Очерках истории Польши» (стр. 227), где он пишет: «В самом деле, прошло время когда национальные движения служили революционным фактором». Для Троцкого всякая война, даже поднятая угнетенными народностями, обусловлена обязательной поддержкой одной или другой группы империалистов; он утверждает, что теперь вообще невозможно определить точно характер войны, так как она теперь в той или иной форме всегда империалистическая.

Ленин совершенно по-иному смотрел на это, ибо для него национальный вопрос перерос в наших условиях в национально-колониальный, тесно связанный с вопросом о победе пролетарской диктатуры и социалистическим строительством пролетариата. Нашей ленинской партией разрешение национального вопроса характеризуется как органическая, составная часть всемирной революции, поэтому ленинская политика партии совершенно по-иному подходит к национально-освободительной войне, доказывая, что в каждой конкретной обстановке, особенно в наши дни, совершенно нетрудно определить характер войны. Поскольку Ленин придает огромное значение освободительной борьбе и восстаниям угнетенных национальностей и колониальных народов, восстаниям, превращающимся в национальные войны, он не может согласиться с категорическим утверждением Розы Люксембург, что «общая тенденция современной капиталистической политики господствует, как могучий слепой закон, над политикой отдельных государств так же, как закон хозяйственной конкуренции властно определяет условия производства отдельных предпринимателей»^{*}.

Не буду еще раз останавливаться на ее «могучем, слепом законе», это отрывки той же фаталистической теории революции, о чем мы уже с вами немало толковали. Тут для нас ясно одно, что этот «закон» для Розы Люксембург и в свое время для т. Пятакова и его единомышленников не допускает возможности революционных национальных войн в нашу эпоху. По ее мнению, эти войны могут быть только империалистическими, а Ленин доказал, что можно и в наше время ясно определить характер войны и что война не всегда должна быть империалистической.

Вот что мы читаем у Ленина: «Война есть продолжение политики. Надо изучать политику перед войной, политику ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистическая, т.е. защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистическая война. Ес-

^{*} Роза Люксембург. «Кризис социал-демократии», стр. 23.

ли политика была национально освободительная, т.е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война»^{*}.

Оказывается, что не так сложно распознавать социальный характер войны и разобрать из-за чего, какими классами ведется война, какие политические цели она преследует и против кого направлена, поэтому тезис немецких левых, что «в эру этого разнужданного империализма не может быть более никаких национальных войн», является глубоко ошибочным и берет свое начало в той системе ошибочных взглядов люксембургизма, которую т. Сталин охарактеризовал в своем письме как полуменьшевистскую.

Довольно характерна оценка фактической возможности победоносной революционной, национальной войны. «Левые» этой возможности не признают, а Троцкий прямо писал, что угнетенные народы могут воевать против одних империалистов только с помощью других империалистов. Ленин смотрел на дело иначе. В своем выступлении перед коммунистами народов Востока он со всей категоричностью утверждал, что победоносный опыт нашей Красной армии в войне с противником, несравненно лучше вооруженным, показывает, несмотря на кажущуюся непобедимую мощь европейских угнетателей, обладающих огромной военной техникой и военным искусством, возможность победоносной революционной войны с ними. Ленин ставит при этом только одно условие: он говорит, что победить можно, если революция сумеет пробудить миллионы трудящихся и эксплуатированных: «Это таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного опыта, проделанного нашей Красной армией на фронтах, где мы встречались с нашествием могущественных стран империализма».

Не буду подробно останавливаться на том, какое огромное практическое значение имеют эти установки Ленина, например, для национальной войны в Китае, происходящей на наших глазах, укажу только, что для китайского народа без измен гоминдана эта война могла бы быть победоносной и на нынешнем этапе. В связи с империалистическими интервенциями в Китае получился огромный революционный подъем, и китайская рабоче-крестьянская власть могла бы организовать десятки миллионов трудящихся на защиту их независимости. И эти массы были бы непобедимы даже при слабой вооруженности. Советские районы Китая — факт. Такая же военная обстановка может развернуться и в Индии и других колониях. По люксембургизмским установкам эти революционные войны заранее осуждены на поражение, ибо люк-

^{*} Ленин, соч., т. XIII, стр. 344.

сембургианцы не признают возможности победы революции в таких странах.

Мне кажется, что вопрос об отношении к национально-революционным войнам тесно связан с вопросом о возможности победы революции в одной стране; понятно, эти вопросы друг друга не покрывают, но они имеют много общего. Люксембургизмство представляет себе победу угнетенных и эксплуатируемых над капитализмом как общий, одновременный мировой процесс. Оно не допускает возможности победы отдельных отрядов мирового пролетариата и его отдельных союзников из угнетенных стран над своими капиталистами и империалистами. Поэтому люксембургизмцы не признают и возможности победоносных революционно-национальных войн. Ленинизм, как известно, стоит на противоположной точке зрения в вопросе возможности победы пролетариата в отдельной стране, учитывая закон неравномерности развития капитализма. Поэтому и его отношение к победе угнетенных народов в отдельной революционной войне совершенно иное.

Понятно, что окончательное освобождение угнетенных народов тесно связано с судьбами пролетарской революции.

Об этом есть указания и в работах Маркса и Энгельса, хотя они и делались при иной обстановке. Особо следует отметить у Маркса следующее место: «Судьба этих национальных революций была поставлена в зависимость от судьбы рабочей революции, исчезла их кажущаяся самостоятельность и независимость от великого социального переворота. Ни венгр, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий остается рабом» *. И теперь еще, спустя много десятков лет после того, как были сказаны эти слова, полная свобода национальностей имеется только в СССР, где победил пролетариат, в то время как трудящиеся массы громадного количества национальностей — большинство мира — угнетены.

Объективные тенденции развития империализма бесконечно обостряют взаимоотношения угнетенных народов с их угнетателями и никакими мирными мероприятиями этих противоречий разрешить нельзя. Тов. Сталин говорил: «Растущий экономический кризис не может не усилить нажима империалистов на колонии и зависимые страны, представляющие основные рынки сбыта и сырья. И действительно, нажим усиливается до последней степени. Это факт, что европейская буржуазия находится теперь в состоянии войны со «своими» колониями в Индии, в Индо-Китае, в Индонезии, в Северной Америке» **, вот почему необходимо уделить основное внимание борьбе масс за освобождение от гнета в колониальных и в зависимых странах.

Если мы говорим о возможности победы отдельных колониальных народов в революционной борьбе, в войне против им-

* Том VIII, стр. 26.

** Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 496, 9-е издание.

периалистов, то это отнюдь не означает, что нужно оставить их в этой борьбе изолированными; это было бы изменой революции со стороны пролетариата. Тов. Сталин нас учит, что образовать общий революционный фронт невозможно без прямой и решительной поддержки со стороны пролетариата угнетаемых наций.

Люксембургианцы отмечают тенденцию империализма к экспансии, как к соединению многих наций, созданию огромных государств, но они не учитывают, что тенденция эта обостряет национальную борьбу. Люксембургианцы выпячивают первое и смазывают второе. Только в создании огромных централизованных государств они видят разрешение нацвопроса. Тов. Сталин указал, что для коммунизма, наоборот, эти тенденции являются лишь двумя сторонами одного дела—дела освобождения угнетенных народов от ига империализма, ибо коммунизм знает, что объединение народов в едином мировом хозяйстве возможно лишь на началах взаимного доверия и добровольного соглашения, что путь образования добровольного объединения народов лежит через отделение колоний от «единого» империалистического «целого», через превращение их в самостоятельные государства (см. «Вопросы ленинизма», стр. 124).

Значит, дело тут не в «прогрессивности» империализма, а в необходимости использовать его непримиримые противоречия, ибо они получают свое разрешение в диалектическом единстве, через национально-революционные войны—единственный путь разрешения национального вопроса, через отделение колоний в самостоятельные государства, которые затем могут добровольно объединиться в мощный свободный союз, в мировой СССР.

Все это будет совершаться при помощи, при поддержке пролетариата стран империалистических государств. Несомненно, что процесс отпадения от империализма новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем больше будет укрепляться победа социализма в СССР, как база мировой революции. Усиление СССР неизбежно ведет к усилению противоречий в лагере империалистического мира.

ЛЮКСЕМБУРГИАНЦЫ В ЦИММЕРВАЛЬДЕ

Во время империалистической войны на циммервальдской конференции представители польских социалистических партий говорили следующее: «Представители руководящих кругов трех действующих в царстве Польском польских социал-демократических организаций пользуются первой встречей представителей пролетариата воюющих стран, чтобы заявить нижеследующее: с первого момента войны, несмотря на разделявшие их до нее разногласия, все социал-демократические организации царства Польского заняли согласно и сообща непримиримую позицию как по отношению к войне, так и ко всем попыткам заразить польский пролетариат военной идеологией». Ленин в своих заметках на экземпляре этого обращения начертил на полях: «фраза». Это относилось и к формулировке о непримиримости к войне и вообще к военной идеологии; против слов «военной идеологии» он поставил еще вопросительный знак. Дальше на полях имеется восклицательный знак Ленина, там, где говорится, что эти партии считают для поляков империалистическую войну в д в о й н е братоубийственной, так как поляки имеются в каждой из воюющих армий. Это, понятно, недопустимая формулировка. Выходит, что социалисты ставят на одну доску классовый момент, когда пролетарии разных стран принуждены стрелять друг в друга на пользу буржуазии, и то, что поляки вообще люди одной нации, находясь в разных армиях, убивают друг друга. Ленин отметил восклицательным знаком и заявление, что польские социал-демократы с глубочайшей горечью узнали об измене социалистов во время войны и объяснили эту измену военным гипнозом и убеждением социалистов стран Габсбургов и Гогенцоллернов, что война—это есть дело освобождения угнетенных народов. Из разобранный документа видно, на какой шаткой идеологической позиции стояли эти три партии (две фракции ПСД и «левница» ППС) во время войны и как трудно было Ленину организовать из подобных элементов левую группу циммервальдцев. Поляки путались в национальном вопросе и во время империалистической войны, продолжая оставаться на ложной люксембургинской позиции.

Насколько люксембургизм в это время не покидало степени созревания непосредственных возможностей пролетарской революции, говорит следующая фраза из цитированного выше их заявления: «Революционная борьба пролетариата, которая в этих условиях со стихийной силой должна разгореться между народами в европейском масштабе, будет направлена против самих основ капиталистического строя, развернется в борьбу за социализм». Тут Ленин поставил на полях восклицание: «только!». В самом деле, они в это время говорят только о «развернется в борьбу за социализм», а не об идущей непосредственной социалистической революции. Отсюда видно, что они и тогда еще далеко не покончили с социал-демократическими установками на социализм, как на период весьма отдаленный от нашей эпохи. Это также является ярким штрихом, отличающим люксембургизм от ленинизма. Сказалось тут и влияние «левицы» ППС. Кроме того эти партии, указывая на разгар международной революции, ограничивают ее рамками Европы. Это также есть показатель недооценки значения колониальной революции, всего взрывчатого революционного материала, который там накопился уже в тот период.

В этом заявлении говорится исключительно о европейской революции; то же имело место и в других заявлениях «левых» радикалов; люксембургизмцы выставляли тогда лозунг «соединенных штатов Европы», против чего так категорически возражал Ленин. Как известно, этот спор был непосредственно связан с вопросом о возможности построения социализма в одной стране, при чем Ленин признавал эту возможность, а троцкисты и, как я указал, люксембургизмцы отрицали. О европейской федерации яно говорит Мархлевский.

В упомянутом его труде т. Мархлевский писал: «Мы, польские марксисты, в течение целых тридцати лет не уставали разоблачать иллюзию об исключительной, якобы, не в пример прочим, революционности польского национализма. Истина такова: пока имели место буржуазные революции, польские освободительные стремления были действительно революционным фактором. Но с тех пор, как социальное развитие сделало возможным исключительно лишь взрывы классовой борьбы пролетариата против буржуазии, — а эти взрывы не миновали и Польши, — «польский вопрос» приобрел совершенно иной характер. Польская буржуазия ищет себе союзников в лагере реакции, и только пролетариат в Польше стоит на стороне революции... Его борьба должна быть направлена на создание новой общественно-политической формы — социалистической федерации пролетариата Европы».

НЕДООЦЕНКА ЛЮКСЕМБУРГИАНЦАМИ ЗНАЧЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ

Я остановился здесь только на некоторых штрихах люксембургизма в период империалистической войны; этот период получил особенно яркое освещение в тогдашней борьбе Ленина с появившимися среди большевиков люксембургизмами—Пятаковым, Бухариным, Бош и другими. Ленин не мало выступал против них, особенно в своей известной статье: «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме».

Ленин уже тогда занимал вопрос о победе пролетариата и о построении социалистического общества. Ленин ясно видел весь вред для революции, исходивший из недооценки роли национально-колониального вопроса. В этой статье Ленин писал о великом политическом значении демократии, ее последовательного проведения пролетариатом, чего не могли понять люксембургизмцы. Ленин указал, что «социализм невозможен без демократии в двух смыслах: 1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию; 2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии»*. Корень оппортунистических ошибок люксембургизмцев, как и троцкистов, состоит в перепрыгивании через исторические этапы, игнорировании того факта, что эти этапы не являются искусственными, надуманными и что этапы революции вытекают из глубины жизни, обусловлены историческими факторами в жизни национальностей, которые не исчезают по мановению волшебного жезла.

Когда «принимают желаемое за действительность», кроме самообмана ничего не получается. На это указывал Ленин на VIII съезде партии в своем выступлении против Бухарина.

Известно, что на VIII съезде партии в дискуссии по национальному вопросу Бухарин стал утверждать, что признание права наций на самоопределение не совместимо с идеей диктатуры про-

* Ленин, соч., т. XIX, стр. 233.

летариата. Это та же люксембургская установка, не понимающая или отрицающая связь между демократическими и социалистическими задачами пролетариата. Бухарин сказал на этом съезде: «Я должен указать на самую любопытную сторону дела, которой не коснулся т. Ленин. Он последовательно защищал свою точку зрения и как раз чрезвычайно мало останавливался на аргументации, шедшей с нашей стороны, которая гласит, что лозунг «право наций на самоопределение» противоречит принципам пролетарской диктатуры». На XII съезде партии т. Бухарин, как известно, отказался от своих люксембургских взглядов по нацвопросу, но этими аргументами пользуются еще другие.

Ленин особенно подчеркнул, что во всех колониальных и полуколониальных странах и на всем востоке Европы есть еще угнетенные и капиталистически неразвитые нации. В таких нациях есть еще объективно общенациональные задачи, именно задачи демократические, как свержение чужд-национального гнета. Вопросы демократии еще далеко не сняты с очереди. Ленин утверждает, что «социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических — революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»*. Для люксембургянцев вопросы демократии уже перестали играть какую-либо роль. Понятно, что надо всячески разоблачать обман оппортунистов, принимающих буржуазию и ее идеологию за демократию и ее идеологию, но совершенно отрицать демократию — это антиленинский подход.

* Ленин, соч., т. XII, стр. 370.

ОШИБКИ

РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Прежде чем перейти к ошибкам Люксембург, относящимся к периоду после Октября, и к такому документу, как ее брошюра «Социалистическая революция», написанная ею в германской тюрьме в 1918 г., брошюра, которую она сама по выходе из тюрьмы решила не предавать гласности, надо отметить, что работа писалась ею в тюрьме, где она не имела систематической информации о положении дел в советской стране. Больше всего она узнавала про советскую действительность из кривого зеркала, каким была зарубежная немецкая печать. Известно, что брошюра была напечатана ренетатом Паулем Леви уже после убийства Розы Люксембург, так что никак нельзя возложить ответственность за появление ее в свет на ее автора.

Считая, что эта брошюра не характерна для Розы Люксембург, мы все-таки приводим выдержки из нее, потому что они показывают, куда может довести ошибочная система взглядов люксембургизма, особенно когда берут верх самые ее отрицательные стороны. Кроме того, если в период мирного развития ошибки люксембургизма не так резко сказывались, то в революционный период, когда надо действовать со всей решительностью, превращая теорию в живую действительность, каждая теоретическая ошибка воплощается в ошибочные действия, направленные против интересов революции. При дальнейшем настаивании на своих ошибках дело доходит до контрреволюции.

Остается одно из двух: или целиком отказаться от своих теоретических ошибок и принять целиком революционные установки, или остаться при своих взглядах и очутиться в лагере контрреволюции. Это можно иллюстрировать опытом бывших германских левых социал-демократов, часть которых перешла в лагерь ленинизма, изживая люксембургизм, в том числе и сама Роза Люксембург, а часть осталась при своих старых взглядах и очутилась или в лагере социал-фашистов, как Леви, или их пособников—брандлеровцев. Некоторые же, как троцкисты и им подобные, для прикрытия своей контрреволюционной физионо-

ми, объявляют теперь себя люксембургянцами. Об этом я уже говорил в начале доклада.

Мы будем касаться брошюры Розы Люксембург «Социалистическая революция» только в той части, где она говорит о национальной политике советской власти, когда она увидела, что получается в реальности при проведении принципа права наций на самоопределение. При этом я хочу подчеркнуть, что Роза Люксембург имела тогда перед своими глазами лишь первые шаги советской власти по практическому разрешению национального вопроса и первые шаги контрреволюции по использованию национального движения в своих целях. Каждый из борющихся классов—пролетариат и выброшенные Октябрьской революцией буржуазия и помещики—использовали в своих интересах национальное движение.

В борьбе за укрепление диктатуры пролетариата мы опирались на интересы трудящихся масс, а наши враги — на буржуазно-кулацкую верхушку в национальных районах.

Оставаясь на своей позиции недооценки значения национально-революционного движения, как союзника борьбы пролетариата, Роза Люксембург написала в тюрьме совершенно непонятные, несообразные вещи о национальной политике нашей партии. Мысли, высказанные ею в брошюре «Социалистическая революция» в области национального вопроса, еще до сих пор служат нашим врагам. В этой брошюре Люксембург допускала мысль, что большевистская национальная политика ведет к гибели пролетарской революции. Роза Люксембург писала тогда: «Пресловутое право на самоопределение народов является лишь пустой и бессмысленной мелкобуржуазной фразеологией.. и, как нам кажется, это явилось следствием своего рода оппортунистической политики».

Таким образом, даже после Октября, когда наша революционная деятельность показала себя всему миру, когда мы добились победы диктатуры пролетариата и свергли власть буржуазии (и при том не в масштабе одного города, как это было при Парижской коммуне), Роза Люксембург обвинила нас в оппортунизме. В этой же брошюре она писала: «Ленин и товарищи рассчитывали очевидно на то, что нет более верного средства привлечь многочисленные чужие народности в лоно российского государства к делу революции, к делу социалистического пролетариата, чем предоставить им именем революции и социализма самую крайнюю, самую полную и неограниченную свободу в устройстве собственных судеб.. расчет оказался, к сожалению, совершенно ошибочным. одна за другой, едва получивши свободу, все эти «нации» обратились в заклятых врагов русской революции, заключили против нее союз с германским империализмом и под его защиту понесли знамя контрреволюции в самую Россию».

Вот как близоручко оценила Роза Люксембург происходившие тогда события, совершенно не понимая значения наших лозунгов

по национальной линии, того, какое действие они должны оказать на широкие массы угнетенных национальностей. Роза Люксембург берет, например, поступки украинской национальной буржуазной верхушки месяца через два после Октября, особенно во время брестского мира, и приписывает это нации в целом, как будто бы это было волей всех трудящихся указанной нации. Она не понимала, что после многовекового национального гнета нужно было иметь известный срок для того, чтобы наши лозунги дошли до гущи массы, до низов, что нужно было произвести известные конкретные действия, на основании которых масса могла бы убедиться, поверить большевикам.

Для того, чтобы понять, какое огромное значение имела наша послеоктябрьская национальная политика для широких слоев населения бывших угнетенных национальностей, достаточно сослаться на указания т. Сталина на XII съезде партии, что если бы у нас не было правильной национальной политики, мы во время гражданской войны не скосырили бы ни одного белого генерала. Необходимо отметить, какое значение имела наша национальная политика для широких масс в белой Польше, даже для тех, которые были отравлены ядом польского шовинизма. Этого не предвидела Роза Люксембург.

Вот что сказал Ленин в своей речи «Война с Польшей» в октябре 1920 г., анализируя уроки этой войны, которая кончилась отступлением Красной армии: «...Мы на переговорах в Риге видели, что партия польских рабочих и крестьян, безусловно патриотическая, безусловно враждебная большевизму, похожая на нашу партию правых эсеров и меньшевиков, что эта партия стояла за мир, что она боролась против правительства польских помещиков и капиталистов, которые до последнего момента стремились сорвать мир, стремятся к этому еще и теперь и долго еще будут к этому стремиться».

Что вызывало тогда такое настроение в рядах ГПС? Именно то обстоятельство, что польские массы увидели, что французские, английские и другие офицеры держат себя в Польше, как в завоеванной стране, в то же время советская страна дала свободу всем народностям, угнетаемым раньше в России. Правительство такой страны не могло угрожать Польше новым национальным поражением. Этот момент неоднократно удерживал господствующую клику в белой Польше от прямого нападения на СССР. Правда, в настоящее время, когда Польша фашизирована, мы имеем иное отношение со стороны ГПС к войне с СССР, но это относится лишь к вождям партии. Безусловно, что на широких массах, на рядовых членах ГПС и до сих пор сказывается влияние нашей национальной политики, которую так рьяно стараются скомпрометировать наши враги. Этим моментом пользуются теперь КПП, КПЗУ, КПЗБ, популяризируя нацполитику СССР, но этого не поняла в 1918 году Роза Люксембург.

Роза Люксембург дошла тогда до неслыханного обвинения большевиков в контрреволюционном пособничестве буржуазии. Со свойственной ей резкостью Роза Люксембург утверждала: «Большевики своей звонкой националистической фразеологией о «праве на самоопределение вплоть до государственного отделения» доставили буржуазии во всех лимитрофах желанный, отличнейший повод, прямо-таки знамя для ее контрреволюционных воцелений. Большевики доставили идеологию, которая маскировала поход контрреволюции, они усилили позицию буржуазии и ослабили позицию пролетариата». Дальше идти в обвинениях против большевиков некуда. Тут Роза Люксембург не уступает самым махровым меньшевикам.

Насколько Роза Люксембург не понимала всего громадного значения лозунгов национального освобождения для мобилизации широких масс угнетенных народов, видно на примере с Украиной, который она сама приводит в доказательство своей правоты. Она пишет: «В начале века, когда не знали еще благоглупостей «украинского национализма» с корбованцами и универсалами и конька Ленина «самостийной Украины», русская Украина служила цитаделью русского революционного движения... Украинский национализм был в России, в отличие от чешского, польского или финского, не чем иным, как простой причудой, шутством нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, не имел никаких абсолютно корней в экономических, политических или духовных условиях страны, никаких исторических традиций, так как Украина никогда не представляла нации или государства, не имела национальной культуры, кроме революционно-романтических стихов, и не могла стать политическим органом без именитого подарка — права народов на самоопределение».

Такая оценка Розы Люксембург национального движения на Украине является одновременно и неверной и вполне великодержавной; видно, что автор поддался обывательским басням о состоянии национального движения на Украине и вообразил, что все национальное движение Украины ограничивается парой революционных стихов на украинском языке. Такие утверждения были поныто наруку контрреволюции.

Но как только Роза Люксембург была освобождена ноябрьской революцией 1918 г. из тюрьмы и окупилась в революционную гущу рабочего класса Германии и испытала непосредственное влияние Советской России, она заговорила другим языком, относясь с восхищением к революционной деятельности русского пролетариата, к советской системе, к диктатуре пролетариата. Она пересмотрела также свой взгляд по национальному вопросу.

Мы видели, что после ноябрьской революции 1918 г. в Германии Роза Люксембург изменила свой взгляд даже и в таком вопросе, как вопрос о роли и значении для пролетариата крупного объединенного государства, на основе которого Роза Люк-

сембург сделала логический вывод против признания лозунга «право наций на самоопределение». Когда в Германии был поднят вопрос о возможности отделения консервативного юга Германии от ее революционного севера, Роза Люксембург писала:

«Единство государства возможно лишь на основе советской конституции. Только советская конституция, только развитая пролетарская борьба, впереди которой идет Северная Германия, освободит южно-германский пролетариат и мелкое крестьянство из пут сепаратизма, которым окружила их буржуазия» *. Мы видим, что Розу Люксембург не путает «развал» Германии — лишь бы только победила советская система. Фатальный «закон» экономики перестает пугать. Как это далеко от ее бывших утверждений об абсолютной невозможности отделения Польши от России.

Насколько Роза Люксембург высоко ставит в этот период вопрос о советах, являющийся для нее решающим вопросом, видно из следующего положения: «Учреждение советов рабочих и солдатских депутатов — это лозунг настоящей революции, который сейчас наложил на нее особый отпечаток пролетарской, социалистической революции при всех несовершенствах и слабостях первого момента, и мы никогда не должны забывать, когда к нам приходят с клеветой против русских большевиков, где мы учились азбуке нашей нынешней революции. Мы взяли ее у русских. Это была русская революция, которая дала первые лозунги для мировой революции» (цитирую по брошюре Клары Цеткин «Об отношении Розы Люксембург к русской революции», стр. 70).

Из всего сказанного мною вполне ясно, что революционная действительность Германии конца 1918 г. совершенно преобразила Розу Люксембург: она быстро начала изживать те остатки «ветхого Адама», которые над нею тяготели от незаконного «сожительства» с социал-демократическим центризмом, надо полагать, что она окончательно перешла бы на ленинские позиции, если бы рука социал-демократического палача не прервала ее революционную жизнь.

* «Роте фане», 27/XI 1918 г.

ЛЮКСЕМБУРГИАНСКАЯ ПРАКТИКА В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ

Известно, какие крупные ошибки имелись в первые годы революции в практике нашей работы в ряде национальных республик, где партийное и советское руководство было в руках товарищей, стоявших в национальном вопросе на позициях люксембургизма или близких к ним. Кроме Украины, где мы встречались в первые годы с недооценкой значения украинизации и вообще национального момента, за что Ленин так крепко выругал украинских работников на партконференции 1919 года (к сожалению, стенограмма этой речи Ленина еще до сих пор не опубликована, видно не удалось ее еще найти), мы встречаемся с недооценкой значения этого вопроса и в политике компартий других стран.

Тов. Мицкевич-Капсукас опубликовал недавно в журнале «Z pola walki» самокритическую статью о крупнейших ошибках ЦК КПБ и Л и литовско-белорусского правительства в связи с тем, что в их работе в 1919 г. по некоторым вопросам брали верх люксембургские установки. Как известно, в первоначальном руководящем составе упомянутых органов преобладали бывшие члены ПСД. Это отразилось на их политике в аграрном вопросе, когда они не решались разделять помещичьи имения между окружающими крестьянами, а старались сохранить эти имения в целостности, дабы не дробить «культурные хозяйства», передавая их сельхозработникам и батракам этих же имений; иногда в имениях оставались и их собственники, сумевшие поддерживать «мир» и доверие своих прежних политически малоразвитых наемных рабочих.

Крупные ошибки в смысле недоучета национального момента допускались по отношению к польским и литовским рабочим: их мало выдвигали, не уделялось должного внимания их привлечению в советские органы, в партию и т. д. А контрреволюционная ППС умело использовала в своей работе против нас этот недочет и ряд других ошибок подобного характера.

Кратковременное пребывание советской власти в Латвии также не обошлось без ошибок люксембургского характера, особенно в крестьянско-аграрном вопросе, а также в вопросе национальном. Между прочим в печатной работе т. Стучки по нацвопросу «Ленинизм и нацвопрос» также имеются явно люксембургские высказывания. Он, например, пишет, что «крестьянство — это современный представитель идеи национализма, пролетариат — представитель идеи интернационализма. Пренебрежение этим новым противоречием было бы роковым для самой пролетарской революции». Рассуждения о том, что пролетариату нет дела до нации и что крестьяне поголовно националисты, характерны для люксембургянцев. Еще более характерно в этом отношении следующее рассуждение т. Стучки: «Класс противопоставлен не только другим классам, но и нации».

Ленин в письме к рабочим и крестьянам Украины в конце 1919 г., подытоживая опыт двухлетней гражданской войны, отметил со всей определенностью, что нам в отдельных случаях не удалось изжить национальное недоверие к нам со стороны бывших угнетенных народов. Он отмечает: «что капиталистам удалось на время сыграть на национальном недоверии польских, латышских, эстляндских, финских крестьян и мелких хозяйчиков к великороссам, удалось на время посеять рознь между ними и нами на почве этого недоверия». Ошибки люксембургского характера отдельных работников, проявленные когда там временно была советская власть, помогли там классовому врагу, ибо они мешали изжитию национального недоверия.

ЛЮКСЕМБУРГИАНСКИЕ ОШИБКИ ТОВ. ЛЕДЕРА

В том же журнале «Пролетарская революция» (№ 61—62), где была помещена печальной известности статья Слуцкого, также в дискуссионном порядке в 1927 г. была напечатана статья по нацвопросу Ледера, бывшего старого члена ПСД. Статья называется «Национальный вопрос у польской и русской социал-демократии». Остановившись лишь на основных ошибках этой статьи. Статья была помещена с оговоркой, что редакция не вполне согласна с высказыванием автора, но, несмотря на свое «несогласие», редакция все же позволила Ледеру сделать резкую вылазку против линии Ленина в национальном вопросе.

В чем Ледер обвиняет Ленина? Он говорит, что Лениным национальный вопрос не решен, что Ленин подошел к нему не практически, а отвлеченно. Ледер пишет: «Ленин не подвергал при этом критическому анализу, насколько при данных условиях одновременное осуществление требований и условий возможно».

Дальше Ледер заявляет: «Допуская (?!), что русская социал-демократия при выставлении программного требования права на самоопределение вправе считаться «со всеми возможными, даже со всеми вообще мыслимыми комбинациями», Ленин разрешил на мой взгляд лишь вопрос русской социал-демократии. Он оставлял без ответа вопрос, который стоял перед партией польского пролетариата» (стр. 172), ибо «программа должна была давать по данному вопросу не только голое признание принципиального права польской нации, но и намечать действия, которые должны были бы привести к признанной оправдливой цели».

Ледер обвиняет Ленина в том, что Ленин был будто бы только русским теоретиком национального вопроса и не давал общего ответа для социал-демократов в целом, в том числе для польских социал-демократов.

Статья Ледера написана сравнительно недавно, а Ленин еще в 1914 г., как бы предвосхитив эти обвинения, дал указания, как ПСД должна выступать по вопросу о независимости Польши.

Люксембургянцы были принципиально против выступления пролетариата за требование независимости Польши, и Ленин чрезвычайно четко поставил этот вопрос. Он писал, дискутируя с Розой Люксембург:

«Дать ответ: «да или нет» на вопрос об отделении каждой нации. Это кажется требованием весьма «практичным». А на деле оно нелепо, метафизично теоретически, на практике же ведет к подчинению пролетариата политике буржуазии. Буржуазия всегда на первый план ставит свои национальные требования. Ставит их безусловно. Для пролетариата они подчинены интересам классовой борьбы. Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в обоих случаях обеспечение развития своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинуть его задачи перед задачами «своей» нации. Поэтому пролетариат граничивается отрицательным, так сказать, требованием признания права на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать ничего за счет другой нации»^{*}.

Еще более ясно пишет Ленин о будущей судьбе Украины: «Суждено ли, например, Украине поставить самостоятельное государство, зависит от тысячи фактов, неизвестных ранее. И не пытаюсь «гадать» попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно право Украины на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великороссов над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации». Большевики исходят из положения рабочего класса данной страны, из положения всей страны, из положения общей борьбы пролетариата, но они настаивают на том, что каждая нация имеет право отделяться, решая этот вопрос в каждом отдельном случае. Так учил Ленин. Но этого не могут понять отдельные бывшие ПСД даже через десяток лет после Октября. Выходит по Ленину, что ПСД должна была подчеркнуть лозунг «право наций на самоуправление» и сказать массам, что мы совершаем революцию и в ходе ее развития мы точно установим, как разрешить национальный вопрос в отношении польской государственности. Право на независимость заключается в праве на самоопределение.

^{*} Ленин, соч., т. XIX, стр. 111.

ИЗВРАЩЕНИЕ В НАЦВОПРОСЕ ТОВ. РАДЕКА

Возьмем т. Радека, как одного из бывших видных руководителей люксембургянцев, который по ряду вопросов до революции стоял ближе к большевикам, чем Роза Люксембург. Особенно это относится к оценке русских меньшевиков. Мы приводили его недавнюю ошибку люксембургянского характера. Отметим еще непонимание всех отрицательных моментов люксембургянства и в наше время, вытекающее из его давней ложной установки, что «левые радикалы в Германии были единственной группой в западно-европейском секторе II Интернационала, которая поставила ребром вопрос о переходе к революционным массовым действиям»... «Левые радикалы проделали громадную предварительную работу для выработки точки зрения русских большевиков и Коминтерна»*. В наши дни разоблачать такие установки, заимствованные из троцкистского арсенала, нет надобности: теория «переворужения большевиков» в Октябре при помощи посторонних сил достаточно скомпрометирована. И сам Радек от них отказался публично в письме в редакцию «Правды».

Однако небезынтересно до каких «теркулесовых столбов» в своем ошибочном понимании национального вопроса доходил Радек уже после многих годов работы совместно с нами в одной партии и сколь труден переход от полуменьшевистских позиций люксембургянства в национальном вопросе к ленинизму. Тов. Радек уже после решений X—XII съездов партии по национальному вопросу в брошюре «Итоги XII съезда РКП» подошел к этому вопросу извращенно, великодержавно. Не будем подробно разбирать всю книжку, все ее ошибки, укажем только основные ошибки в нацвопросе, которые можно квалифицировать даже не как уклон, а как буржуазное извращение учения партии по нацвопросу. Можно, конечно, допустить и наличие возмутительной небрежности со стороны т. Радека, т.е. что он напечатал стенограмму своего доклада о XII съезде партии, совершенно не вчитавшись в нее, не видя, что получилось в сте-

* К. Радек «Германская революция», т. I, стр. VI.

нограмме, но для такого предположения нет никаких оснований, кроме чудовищности его рассуждения.

Радек говорит в упомянутой книжке обо всех национальных советских республиках и утверждает: «Их территории не отпали от России и не имеют условий для самостоятельной жизни. Но если мы сегодня откажемся от Туркестана, то завтра он делается английским... Поэтому окраины, которые мы имеем, мы должны удерживать в своих руках» (стр. 23). Получается, что не отделились от России только те народы, которые не имеют условий для самостоятельной жизни, и дело отнюдь не в ленинской политике. Но почему ряд народов не имеет условий для самостоятельной жизни — не сказано. Создание СССР Радек объясняет по-люксембургски, как акт чисто экономический. Фраза о том, что мы должны окраины «удерживать в своих руках (а они, очевидно, рвутся от нас уйти), иначе их заберут англичане», звучит уже явно колонизаторски. Кто и кого должен «удерживать в своих руках» при признании права нации на самоопределение вплоть до отделения? Видно Радек и после решений XII съезда партии по нацвопросу оставался люксембургянцем с великодержавным уклоном.

Еще недвумысленнее звучит дальнейшее утверждение Радека: «Когда наши войска входили в Баку, то бакинские татары и турки приветствовали не наши войска, а они говорили: «русский хозяин вернулся»; они помнили старые связи, которые были у них со старой Россией, и тут они рассчитывали получить хлеб и мануфактуру». Если выше мы констатировали у Радека обычный уклонистско-великодержавный подход, то тут дело уже прямо пахнет отношением империалиста к колониальным народам: последние, по Радеку, попросту очарованы своими угнетателями—татары и турки «обрадовались своим старым русским хозяевам» (совсем как щедринский карась, который «любит», чтобы его жарили в сметане), так как последние дадут им хлеб и мануфактуру. Радек как будто совершенно позабыл, что в Баку вошла не старая русская, колонизаторская армия, а Красная, интернациональная армия — освободительница угнетенных народов, и возмутительно заявляет, что татары и турки приветствовали не Красную армию, а «русских хозяев». Это клевета на трудящиеся массы национальностей, клевета на Красную армию, клевета на партию и советскую власть.

После этих возмутительных рассуждений об Азербайджане Радек переходит к Средней Азии. Сначала он говорит о существующем там специальном классе мулл (видно, он поверил тогда ренегату Леви, его клевете о том, что средне-азиатская компартия состоит из мулл), а затем делает такое невероятное утверждение: «Сколько преданных коммунистов мы можем туда послать? Ведь эта страна равняется половине центральной Ев-

ропы, а управляет ею один член ЦК. Этот один человек руководит всей работой, он летает на аэроплане в Москву и обратно»*

Вот как изображает Радек жизнь советской национальной республики, находящейся на границе с Афганистаном, Индией, Персией и Китаем, и то, как она управляется. Прочтут, мол, угнетенные народы о том, как удивительно при системе советской власти управляется такая огромная средне-азиатская республика, и несомненно обратятся к Радеку, чтобы и к ним прислали «летучего цекиста», или поручат тому же «летучему цекисту» из Туркестана заодно управлять и ими. Этот недопустимый выпад Радека ставит вверх ногами не только наши принципиальные установки, но и всю нашу фактическую национальную политику, на основе которой местные национальности в лице своих выборных людей сами управляют своей страной, а прибывающие работники (как это подчеркнул Ленин) помогают им своим опытом и знанием в деле руководства, в практической работе местных советских органов и т. д. Успехи в работе по коренизации аппаратов управления нацреспублик хорошо известны, эту политику мы ведем с самого начала Октябрьской революции, и вот какой она получается в устах уклониста-великодержавника из люксембургянцев, впавшего еще в троцкизм.

Понадобилось бичующее гнилой либерализи письмо т. Сталина для того, чтобы мы занялись внимательным пересмотром литературной продукции по нацвопросу, созданной бывшими люксембургянами, бывшими троцкистами, которые в своей известной платформе «83» выставили великодержавную теорию в нацвопросе. Ответственность за это прежде всего, конечно, падает на нас, работников, специально занимающихся нацвопросом.

Мы не будем больше останавливаться на таких «перлах» Радека, что «мы чересчур бедны для правильной национальной политики», будто нации расценивают нацполитику пролетариата в рублях. Еще в начале нэпа мы строили фабрики в нацреспубликах, что явилось ярчайшей практической помощью союзного пролетариата отсталым национальностям. И теперь, проводя ленинскую линию в нацвопросе, мы индустриализируем нацокраины при огромной помощи всего союзного пролетариата. Не будем специально расшифровывать и такие утверждения Радека, что нам придется «с оружием в руках ликвидировать национальные Кронштадты» и т. п. Приведенного вполне достаточно для понимания тех установок, которые дал тогда Радек. Совершенно понятен тот факт, что троцкистская платформа по нацвопросу, являвшаяся в основном люксембургянской и великодержавной, есть «законное» следствие их общих взглядов, ибо троцкизм и люксембургянство в национальном вопросе (как и в других вопросах) тесно переплетаются, оставаясь вреднейшим ленинизмом.

* К. Радек. «Германская революция», т. I, стр. 24.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРОЦКИЗМ И НАЦВОПРОС

Я не собираюсь здесь дать исчерпывающее освещение троцкизма в нацвопросе, но поскольку и в письме тов. Сталина и в действительности много общих черт у троцкизма с люксембургизмом, я приведу некоторые места из печатных трудов Троцкого, чтобы иллюстрировать концепцию троцкизма в нацвопросе, которая далеко немонолитна, эклектична и, переплетаясь с люксембургизмом, идет дальше и скатывается к контрреволюции. Чаще всего высказывания Троцкого по нацвопросу встречаются в его выступлениях против Ленина, где он иногда солидаризируется с Розой Люксембург. Во время империалистической войны в 1916 г. он пишет: «Как бы ни закончилась война, — она будет прежде всего крушением национализма в экономической жизни народов, как и в борьбе пролетариата»*. Эта установка на то, что национальный вопрос скоро не будет занимать никакого места в борьбе пролетариата и экономической жизни народов, означала прямое игнорирование народов колониальных стран, полное извращение марксизма в национальном вопросе. Здесь Троцкий шагнул значительно дальше люксембургизма: Роза Люксембург признавала политическое отделение чисто колониальных стран, а Троцкий все это взял под сомнение.

Насколько Троцкий сводит на-нет значение колониальных народов в революции и значение национально-революционного освободительного движения, видно из его утверждения, что «при нынешних мировых отношениях и группировках сил ни одна колония, ни одна угнетенная нация не может вести освободительной войны, не опираясь на какую-либо империалистическую державу или не играя роли орудия в ее руках. Никакого самостоятельного значения «национальные» вопросы отсталых народов больше иметь не могут». Такие утверждения — полное ренегатство по отношению к марксизму, ибо это есть отрицание возможности победоносной революционной борьбы для угнетенных народов.

* «Наше слово», № 1, 1916 г.

Эти народы, по троцкистской теории, могут только в лучшем случае менять своих империалистических хозяев, не больше, ибо национальная война, по Троцкому, невозможна. Тут Троцкий одним росчерком пера осудил на безысходность судьбы угнетенных народов, лишил пролетариат необходимого боевого резерва.

Совершенно противоположной точки зрения придерживался Ленин по этому вопросу. Он, как я уже сказал, признает возможность самостоятельных победоносных войн колониальных народов Востока. Троцкий же, не веря ни в революционные силы пролетариата отдельных стран, ни в революционные возможности отдельных угнетенных народов, остается на контрреволюционных позициях.

Троцкий пришел к нам в партию с сомнительным меньшевистским багажом по национальному и колониальному вопросу и пожелал провести партию в целом через «повторный курс» по этому вопросу. Троцкому хотелось навязать партии теорию, что «голая национальная идея, противостоящая империализму, не только бессильна, но и реакционна: она тащит человеческое хозяйство назад в пеленки нацистальной ограниченности»*. Несмотря на некоторые попытки Троцкого не соглашаться с Розой Люксембург по вопросу о решающем значении экономического фактора в разрешении вопроса, у него все-таки получается выпячивание хозяйственных факторов.

Если мы возьмем Троцкого в его последнем, открытом контрреволюционном периоде, мы увидим, что он по существу продолжает свою старую линию по отношению к колониям, не признавая революционного значения крестьянских масс колоний, считая их реакционными. Троцкий пишет:

«Стремление Коминтерна навязать ныне восточным странам лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства может иметь только реакционное значение. Поскольку этот лозунг противопоставляется лозунгу диктатуры пролетариата, он политически содействует растворению пролетариата в мелкобуржуазных массах и создает таким путем наиболее благоприятные условия для гегемонии национальной буржуазии, следовательно для краха демократической революции»**.

Это стремление перескочить через исторические этапы, как и неверие в силы пролетариата вести за собой массы, в известной мере свойственно и люксембургианцам, которые еще в 1905 г. хотели выдвинуть в Польше лозунг диктатуры пролетариата, а не пролетариата и крестьянства, что совпадает по существу с установкой Троцкого и Парвуса: «Долой царя, а правительство рабочее». Это основательно раскритиковано и разоблачено Лениным, а вслед за ним Сталиным.

* «Наше слово», май, 1915 г.

** Троцкий. «Перманентная революция», стр. 166.

Между прочим важно вспомнить, что писал Ленин о взглядах Троцкого по национальному вопросу: «Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся»^{*}. Эта характеристика взглядов Троцкого по нацвопросу, данная Лениным, ярко показывает бесконечные шатания Троцкого и по этому вопросу, при чем известно, что он в основном и больше всего сходиллся с люксембургийцами, иногда же у него были чисто меньшевистские или каутскианские установки в нацвопросе.

Троцкий в своей статье «Мысли о партии» также останавливается на национальном вопросе. Придерживаясь своих взглядов на «первооружение» партии в связи с Октябрьской революцией, констатируя, что «значение крестьянства наша партия вполне поняла только за эти годы после Октября», он далее утверждает: «В области национального вопроса партия в целом нуждается несомненно в повторительном курсе, а молодежь — и в первоначальном»^{**}.

Это обвинение всей партии в том, что она не знает или забыла национальный вопрос и что с ним обстоит дело хуже, чем с крестьянским вопросом, который узнали хотя бы за последние годы, показывает, как сам Троцкий намеревался исказить ленинизм, подсунув на его место троцкизм. По Троцкому, оказывается, партии нужно снова начать знакомиться с национальным вопросом. Это в тот период, когда уже были созданы почти все нацреопублики и национальной ленинской практикой блестяще подтверждена правильность установки партии в нацвопросе, выявлены и разбиты вредные уклоны по нацвопросу.

Его «повторительный курс» фактически имел в виду повернуть линию партии по нацвопросу с ленинизма на троцкизм, имеющий в своей основе люксембургизм, при чем, как уже указано, последнее в свою очередь, будучи эклектичным, имело немало элементов великодержавничества, бундизма, австро-марксизма и каутскианства. В упомянутой статье Троцкий также становится на точку зрения австро-марксизма, утверждая, что национальный вопрос нами не решен, и приводит такие доказательства: «Разрешить национальный вопрос можно только обеспечив за всеми нациями возможность естественного приобщения к мировой культуре — на том языке, который данная нация считает своим родным языком». Вот куда Троцкий переносит цент тяжести разрешения нацвопроса — к национальной культуре! Известно, как непримиримо боролись Ленин и Сталин против этой теории. Укажем только, что в области культуры мы не ста-

^{*} Ленин, соч., т. XVII, стр. 469.

^{**} Сборник «25 лет РКП», стр. 26.

вим себе задачу, как Троцкий этого хочет, приобщиться к «мировой культуре, как таковой», так как она в основном буржуазная, в ней преобладают капиталистические реакционные элементы. Наша культура, являющаяся социалистической по своему содержанию, без сомнения более передовая, и нам незачем приобщаться к мировой буржуазной культуре; мы ставим себе задачей в технико-экономическом отношении перегнать передовые капиталистические страны, но это совершенно другая принципиальная установка.

КАК ТРОЦКИЙ ПЫТАЕТСЯ ВЫСТАВИТЬ ЛЕНИНА УЗКО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИГУРОЙ

У Троцкого есть статья о Ленине «Ленин, как национальный тип». Здесь Троцкий по-существу старается доказать национальную ограниченность Ленина, выставляя Ленина не как вождя мирового пролетариата, а как вождя только русской революции, в условиях русской возможности. Он говорит так: «Ленин олицетворяет собой русский пролетариат, молодой класс, которому политически не больше лет, чем самому Ленину, но класс глубоко национальный, ибо в нем резюмируется все предшествующее развитие России, в нем — все ее будущее, с ним живет и падает русская нация». Троцкий между прочим старается умалить историческое значение печатных работ Ленина, говоря: «Если бы он (Ленин) не опубликовал в прошлом ни одной книги, он из-всегда вошел бы в историю таким, как входит теперь».

Появление Ленина в национальных условиях России Троцкий объясняет так: «Наша история не дала в прошлом ни Лютера, ни Фомы Мюнцера, ни Мирабо, ни Дантона, ни Робеспьера. Именно поэтому русский пролетариат имеет своего Ленина». Дело не только в том, что в этих рассуждениях нет никакой логики (мы от классового врага не требуем этого), но суть в том, что тут со всей ясностью прорывается у Троцкого общая установка левых радикалов Германии, что Ленин (большевизм) не интернациональное, а сугубо узко-русское явление.

Когда Ленин подходит к освещению истории революционного движения в России, он сразу выпячивает значение в общем революционном движении мирового пролетариата. Стоит вспомнить гениальные мысли Ленина, высказанные им в его статье «О национальной гордости великороссов», чтобы видеть, что он совершенно иначе смотрит на «национальную ограниченность» русских. «Мы полны чувства национальной гордости, — пишет Ленин в 1915 г., — ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие сказы борьбы за свободу — за социализм, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-

разно чванцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 г. могучую революционную партию масс» и т. д. Значит «наша история» в прошлом далеко не такова, как ее рисует Троцкий, желающий все свести только к русской национальной ограниченности.

Русский большевизм имел огромное значение для революционизирования рабочего движения других стран. По Троцкому, как и по Слуцкому, большевизм выступил на мировую арену только во время Октябрьской революции, в лучшем случае во время мировой войны, а раньше был ограниченным, типично русским. Это явная клевета на большевизм и на нашу партию. Большевизм — дело революционных масс мира, большевизм положен в основу левой Циммервальда и III Интернационала, что является следствием всей той интернациональной работы, агитации, пропаганды, которую наша партия проделала в течение всего периода своего существования.

Отметим также и следующий факт. В нашей партии немало товарищей, которые долгие годы работали по заграничным рабочим организациям и хорошо помнят, как усердно мы распространяли ленинизм-большевизм среди заграничных рабочих и их руководителей; часто мы вели эту работу со значительным успехом. Сам Ленин немало выступал перед рабочими заграничных социалистических партий. Можно привести много фактов о прошлой работе большевиков-эмигрантов за границей. Напомню о наших большевистских выступлениях на конгрессах и совещаниях Интернационала, общих организациях, которые были у нас, большевиков, с местными рабочими за границей по борьбе против империалистической войны, об общих кампаниях протеста против белого террора в России, против еврейских погромов и т. п., где мы развивали наши большевистские взгляды в широких массах за границей. Рисовать большевизм, как нечто национально-ограниченное, это клевета, на которую пускаются люди, старающиеся затмить то интернациональное, то мировое, что имеется в большевизме.

ПОПЫТКА

КАМЕНЕВА СМАЗАТЬ ЗНАЧЕНИЕ БОРЬБЫ ЛЕНИНА С ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВОМ

Довольно серьезная попытка смазать борьбу Ленина с Троцким и Розой Люксембург в национальном вопросе имела с стороны Каменева, бывшего редактора первого издания сочинений Ленина. В своем предисловии к XIX тому сочинений Ленина (первое издание) в 1921 г., посвященному национальному вопросу, Каменев пишет следующее:

«Собранные в этом томе статьи т. Ленина изобилуют острыми и резкими политическими формулировками даже по отношению к столь близким стоявшим уже тогда к большевизму товарищам, как Роза Люксембург или К. Радек. То же относится к тем местам книги, где т. Ленину приходилось в те далекие годы полемизировать с т. Троцким. Редакция, перепечатывая статьи т. Ленина, не нашла возможным изменять этих мест. Молодым товарищам следует однако указать, что резкость полемики в этих случаях часто объясняется не только важностью обсуждавшихся вопросов, но и острой и сложной групповой борьбой внутри бывшей РСДРП, особенно за границей, в эмиграции».

После всего сказанного о разногласии Ленина с Розой Люксембург ясно видна совершенно недопустимая трактовка со стороны Каменева. Характеризуя принципиальную, острую борьбу Ленина против искажающих революционно-марксистскую точку зрения в национальном вопросе, он смягчает эту остроту безобразной фразой о том, что «острота тут объясняется групповой борьбой» и даже эмигрантщиной. Касаясь вопроса о разногласиях, Каменев искажает историю партии. Невольно вспоминается клеветническое утверждение Слуцкого о том, что Ленин из фракционных соображений временами смягчал свое отношение к немецким «левым» и «стало быть (по Слуцкому.—С. Д.) русские большевики приносили в жертву интересам своей фракции великое дело международной революции» (И. Сталин). По Каменеву выходит, что групповая борьба и «эмигрантщина» были причиной острых разногласий, а не глубоко принципиальные расхождения. Такая установка разоружает большевиков, искажает историю большевизма.

ОТРЫЖКИ

ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВА В ЧЕТЫРЕХТОМНИКЕ ИСТОРИИ ПАРТИИ

В той троцкистской контрабанде, которую протаскивала группа «историков», авторов четырехтомника «Истории партии», также сказалось влияние троцкизма-люксембургизма. Оно проявилось в игнорировании изучения по линии истории партии революционного движения и партийной работы среди национальностей Союза ССР. Таким образом четырехтомная «История партии» оказалась, кроме других ее недостатков, односторонней, не объективной, не дающей правильного представления о разнообразных формах работы партии среди разных национальностей (что было признано и в письме т. Ярославского в редакцию «Правды»).

Задача заключается в том, чтобы исправить этот пробел и использовать более полно материалы, имеющиеся уже по истории нацкомпартий, и в то же время организовать лучшее изучение этого вопроса как в центре, так и особенно на местах, где имеются необходимые документы и живые участники революционного движения.

В свете письма т. Сталина следует серьезно изучить всю вышедшую в свет литературу истории нацкомпартий как на русском, так и на национальных языках. В этой литературе встречаются довольно серьезные дефекты как по линии национального вопроса, так и в общем освещении событий революции и ее движущих сил. Серьезная критическая проработка этой литературы на основе указаний т. Сталина крайне необходима, и медлить с этим делом нельзя.

В разработке национального вопроса имеется немало уклонов и ошибочных установок, с которыми партия боролась и борется. Мы должны усилить огонь критики по этой линии, покончить с тупым либерализмом, разоблачить ошибки, вскрыть троцкистскую контрабанду целиком, максимально использовать, опираясь на ленинизм, то, что нам дал и дает вождь нашей партии т. Сталин, уделяющий огромное внимание национальному вопросу.

Не будем останавливаться специально на выводах из письма г. Сталина для польской коммунистической партии. Не подлежит сомнению, что КПП сама делает необходимые выводы из письма г. Сталина (как прямая наследница традиции СДП и Л, в особенности по линии национального вопроса), уславив самокритику в своей работе. Такой кардинальный вопрос, как вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, когда в Польше развивается теперь тип пролетарской революции с большим объемом задач буржуазно-демократического характера, который также имеет свой этап перерастания, долженствующий быть основательно изученным. Опасаясь влияния остатков старого, помня, что имела оппортунистическая люксембургистская установка, весь этот огромный вопрос о перерастании должен быть проработан в КПП под углом вскрытия всей гибельности этой части учения Розы Люксембург для нашего периода. Без этого нельзя иметь правильного представления о движущих силах революции, о кардинальнейшем вопросе насчет формы власти и методов ее захвата, удержания и дальнейших этапов после рабоче-крестьянской революции. Не имея правильной позиции в этих вопросах, легко скатиться к утверждению о «перманентной» революции, которое занимает столь видное место в системе люксембургизма (одна из точек, где люксембургизм смыкается с троцкизмом, с теорией одного из бывших левых немецкой социал-демократии Парвуса, в определенный период сходящегося во взглядах с Розой Люксембург).

Люксембургистские установки не дали на первом этапе революции в Польше завоевать революционных союзников как из польского крестьянства, так и по линии использования трудящихся, терпящих невыносимый национальный гнет от великодержавного правительства Польши и классов, на которые это правительство опирается. Это сказалось в 1918—1920 и 1923 гг.

Поскольку мне пришлось остановиться почти исключительно на строгих моментах люксембургизма, получается одностороннее освещение фигуры самой Розы Люксембург. Нам, большевикам, нельзя не учитывать международного значения Р. Люксембург для секций Коминтерна. Следует добавить, что она фактически работала параллельно в трех странах: Германии, Польше, — а поскольку мы работали одно время в одной партии с ПСД, то также и в России. Розу Люксембург немало третировали правые оппортунисты и центристы разных стран. Против нее выступали Бернштейн, Зингер, Отто Бауэр и Каутский, русские меньшевики и др., именно тогда, когда она выступала революционно, как, например, по вопросу о всеобщей забастовке и т. п. Во время империалистической войны Роза Люксембург вместе с левыми вела героическую борьбу против немецкого империализма у себя в стране, не останавливаясь ни перед какими репрессиями. Она бросила крылатое слово о шовинистической социал-демократии, что она «смердящий труп», и начала вместе со своими единомышленниками организовывать революционную группу «Спартак», превратив ее затем в основное ядро немецкой коммунистической партии. Верно, что и в те моменты, когда Роза поднималась довольно высоко по революционной лестнице, она редко достигала ее верхней ступени — ленинизма, ей что-то из центризма II Интернационала мешало в этом, но она все-таки ближе многих других зарубежных революционных деятелей подходила к нам. Роза была красочной и многогранной натурой, с яркими революционными штрихами, за что пользовалась любовью и уважением в нашей большевистской среде. Вот, что писал Ленин по поводу Розы Люксембург после ее смерти:

«Павел Леви желает теперь особо выслужиться перед буржуазией и следовательно перед 2 и 2½ Интернационалом, ее агентами, переиздавая как раз те сочинения Розы Люксембург, в которых она была неправа. Мы отвечаем на это двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур опускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши;

ошибалась в 1903 г. в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 г., рядом с Плехановым, Вандервельде, Каутским и др., объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 г. (при чем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 годов исправила большую часть своих ошибок). Но несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и полное собрание ее сочинений (с которыми невозможно опаздывают немецкие коммунисты, извиняемые лишь отчасти количеством жертв в их тяжелой борьбе) будет полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира» *.

* Ленин, соч., т. XXVII, стр. 204.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Предисловие	5
Значение борьбы с люксембургизмом	7
Люксембургизмское понимание движущих сил революции	11
Люксембургизм не признает ленинской теории перерастания революции	16
Разногласия с люксембургизмом по организационным вопросам	20
Разногласия по вопросу о вооруженном восстании	23
Социал-демократическая партия Польши и Литвы и ее влияние на Розу Люксембург	27
Оценка тов. Сталина разногласий с люксембургизмом в национально-колониальном вопросе	29
Мировое значение нацвопроса и ошибки Розы Люксембург в колониальном вопросе	32
Люксембургизмцы против лозунга „право наций на самоопределение вплоть до отделения“	36
Отношение ПСД к лозунгу о независимости Польши	39
Лозунг о праве наций на самоопределение на лондонском конгрессе II Интернационала	43
Роль делегации ПСД на II съезде партии	47
Ошибки тов. Варского	50
Роза Люксембург искажает учение Маркса—Энгельса	53
Разногласия в вопросах о национальных войнах	55
Люксембургизмцы в Циммервальде	60
Недооценка люксембургизмцами значения демократии	62
Ошибки Розы Люксембург в послеоктябрьский период	64
Люксембургизмская практика в некоторых странах	69
Люксембургизмские ошибки тов. Ледера	71
Извращение в нацвопросе тов. Радека	73
Контрреволюционный троцкизм и нацвопрос	76
Как Троцкий пытается выставить Ленина узко-национальной фигурой .	80
Попытка Каменева смазать значение борьбы Ленина с люксембургизмом	82
Отрывки люксембургизма в четырехтомнике истории партии	83
Общая оценка Розы Люксембург Лениным	85